

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

От небесных высот любви до глубин
человеческого зла, от чистоты юной девы
до предательства заклятых врагов...
Этот роман превосходит!

ReadertoReader.com

HARLEQUIN®

БРЕНДА ДЖОЙС

Никогда не говори никогда...

Невероятное влечение

Продано более 14 миллионов экземпляров

Бренда Джойс

Невероятное влечение

Серия «Семейство де Уоренн», книга 12

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3941845

Невероятное влечение: роман / Пер. с англ. А.А. Бузиной: ЗАО

Издательство Центрполиграф; Москва; 2012

ISBN 978-5-227-03640-7

Аннотация

После смерти матери надежды Александры Болтон на счастье рухнули: ради интересов семьи девушка отказалась от свадьбы и долгие девять лет жертвовала собой, заботясь о двух младших сестрах и отце, заливавшим горе джином. Обедневшей аристократке, вынужденной зарабатывать на жизнь шитьем, был уготован безрадостный удел старой девы, но одна случайная встреча изменила все... До знакомства с Александрой самый завидный жених Англии герцог Клервудский не знал отказа в любви. Но добиться взаимности от добродетельной, гордой мисс Болтон не просто даже такому красавцу и богачу. Впрочем, когда между Александрой и Стивеном вспыхивает невероятной силы влечение, исход этой истории кажется предрешенным. Увы, вспыльчивый характер герцога способен испортить даже самую красивую сказку.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	46
Глава 3	81
Глава 4	126
Глава 5	158
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Бренда Джойс

Невероятное влечение

Посвящается Сью Бол, одной из самых великодушных и заботливых личностей, которых я когда-либо знала. Выражаю ей свою искреннюю благодарность за многие годы доброты, дружбы и поддержки по отношению ко мне и моей семье.

Пролог

В глаза ударил яркий свет, и озадаченная Александра помедлила, не решаясь войти.

– Александра?.. – шепотом позвала ее с кровати мать.

Стены в комнате украшали золотисто-бордовые обои, два окна спальни скрывались за мрачными портьерами. Комод из дорогого темного красного дерева был под стать кровати, а цвет постельного белья повторял теплые тона обоев. Единственное кресло в комнате тоже было насыщенно-красным. Несмотря на мрачноватую обстановку спальни, сильный свет чуть не ослепил Александру.

– Я здесь, мама, – прошептала она в ответ.

И тут же поспешила к кровати, понимая, что медлить нельзя – ее мать Элизабет Болтон была при смерти и могла не дотянуть до следующей ночи. Она угасала с каждой

секундой, пожираемая раком. До сей поры Александре удавалось сдерживать слезы. Она не плакала ни разу, даже когда отец сообщил ей о страшной, смертельной болезни матери. Неожиданностью это известие не стало: на протяжении многих месяцев Элизабет чахла на глазах Александры и ее младших сестер. Семнадцатилетняя Александра была самой старшей дочерью, и сейчас, в момент кризиса, именно ей предстояло сплотить семью.

Александра бросилась к матери, почувствовала, как сердце сжалось при взгляде на изможденные, неузнаваемые лицо и фигуру матери. Когда-то Элизабет казалась такой красивой, такой веселой, такой энергичной... Ей было всего тридцать восемь, но сейчас она выглядела на все девяносто.

Александра села рядом с матерью, взяла ее исхудавшие, слабые руки.

– Отец сказал, что ты хотела видеть меня, мама. Что я могу для тебя сделать? Дать тебе глоток воды?

Элизабет слабо улыбнулась. Распростертая на просторной кровати, среди многочисленных подушек и одеял ее истаявшая фигурка казалась совсем маленькой.

– Ангелы, – одними губами произнесла она. – Ты видишь их?

Александра почувствовала, как подступают горькие слезы, и яростно захлопала ресницами. Мать отчаянно нуждалась в ней, точно так же, как две сестры, которым всего лишь семь и девять. Она была нужна и отцу, который заперся в ка-

бинете со своим неразлучным другом – джином. Но только сейчас Александра в полной мере осознала, почему в комнате так странно светло и столь же непривычно тепло.

– Я их не вижу, но могу чувствовать, – ответила она матери. – Тебе страшно?

Элизабет слегка покачала головой и чуть сильнее, насколько хватило сил, сжала ее руки.

– Я... не хочу уходить, Александра. Девочки... такие маленькие...

Разбирать слова матери было тяжело, и Александра наклонилась ближе, к самому ее лицу.

– Мы не хотим, чтобы ты оставляла нас, но теперь ты будешь с ангелами, мама. – Она выдавила из себя подобие улыбки. – Я позабочусь об Оливии и Кори, тебе не стоит волноваться. Я позабочусь и об отце тоже.

– Пообещай мне... милая... Пообещай.

Александра прижалась щекой к костлявому лицу матери.

– Я обещаю. Ты сделала для нашей семьи все, что было в твоих силах, ты была ее путеводным светом, фундаментом и якорем, теперь настал мой черед сделать все возможное для отца и девочек. У нас все будет прекрасно. У них все будет прекрасно, – попыталась она убедить умирающую, хотя точно знала, что ничто в этой семье уже не будет так прекрасно, как прежде.

– Я горжусь тобой... – прошептала Элизабет.

Дочь выпрямилась, и теперь они могли смотреть друг дру-

гу в глаза. Александра была самым старшим, первым ребенком, годы разделяли ее и двух ее младших сестер, и она всегда была неразлучна с матерью. Элизабет научила ее, как вести домашнее хозяйство, как принимать гостей и одеваться для чаепития или бала. Под ее руководством Александра освоила, как печь печенье с корицей и готовить лимонад. Элизабет показала дочери, как улыбаться, даже когда расстроена, и как вести себя добродетельно, достойно – всегда, независимо от обстоятельств. Именно мать явила ей истинную силу любви, семьи, усердия и уважения.

Александра знала, что мать гордилась ею. Знала это так же точно, как и то, что просто не в состоянии вынести этот последний, прощальный момент.

– Не беспокойся о девочках и об отце. Я о них позабочусь.

– Я знаю. – Элизабет печально улыбнулась и затихла.

Александра стала задыхаться, она ловила воздух ртом, чувствуя, как острая боль пронзает душу. Так долго сдерживаемые слезы хлынули из глаз, несмотря на все ее усилия. Она еще крепче сжала руки матери и легла рядом с ней, уже тоскуя без нее – сильно, глубоко... Боль казалась нестерпимой – в состоянии этого безграничного горя и нашел Александру ее жених, Оуэн.

– Александра. – Он с нежностью помог ей подняться.

Она перехватила встревоженный, испытующий взгляд любимого и разрешила ему увести себя из этой комнаты смерти. Теперь там было темно и мрачно – теплый свет по-

гас навеки. В холле Оуэн долго держал ее в объятиях. Александра позволила ему это, чувствуя, как боль утраты терзает сердце.

Но она твердо знала, *что* должна делать. Оуэн был ее лучшим другом, ее первой и единственной настоящей любовью, но теперь все это не имело ровным счетом никакого значения.

– Почему ты так на меня смотришь? – спросил Оуэн, и его глаза удивленно распахнулись.

Александра погладила жениха по щеке.

– Я люблю тебя, Оуэн.

Он встревожился еще больше:

– Ты просто в шоке... Что ж, пришло время горевать.

Александра задумчиво покачала головой.

– Я не могу выйти за тебя замуж, Оуэн. Я пообещала маме позаботиться о нашей семье и сдержу слово. Моя жизнь больше мне не принадлежит. Я не могу выйти за тебя замуж, не могу быть твоей женой или матерью твоих детей. Я не могу. Я должна позаботиться о сестрах, – твердо сказала она, осознав в этот момент, что говорит истинную правду. Новый резкий поворот жизни буквально сокрушил ее.

– Александра! – воскликнул Оуэн. – Позволь себе этот горестный траур. Я буду ждать. Я люблю тебя, и мы пройдем через этот нелегкий период вместе.

Но Александра отстранилась – это был самый тягостный поступок из всех, которые она когда-либо совершала.

– Нет, Оуэн. Все изменилось. Я нужна Кори и Оливии, а еще отцу.

– Я буду ждать тебя, – упорствовал возлюбленный, и слезы сверкнули на его ресницах.

Но отныне выбора просто не было. Александре предстояло сплотить семью, независимо от того, каких жертв это от нее потребует.

– Прощай, Оуэн, – обреченно произнесла она.

Глава 1

– Я больше не могу содержать тебя, – сказал барон Эджмонтский.

Александра Болтон в изумлении смотрела на своего хмурого возбужденного отца. Он только что позвал ее с двумя младшими сестрами в свой маленький запущенный кабинет, где время от времени просматривал бухгалтерские книги поместья. Странно, но отец казался трезвым – а между тем уже почти половина пятого дня. Что все это означает, что он имеет в виду?

– Я знаю, в каком плачевном состоянии наши финансовые дела, – отозвалась Александра, пытаясь тем не менее ободряюще улыбаться. – Я возьму дополнительные заказы на шитье, отец, и наверняка смогу зарабатывать каждую неделю еще на фунт больше.

Граф обескураженно хмыкнул.

– Ты так похожа на свою мать! Она была неустанна, Александра, неутомима в своих попытках поддержать меня – вплоть до последнего дня своей жизни.

Он прошел в глубь кабинета и резко плюхнулся в кресло, заняв свое место за столь же потрепанным, потертым, как и он сам, столом. Старый предмет мебели перекосился – одна из ножек требовала починки.

Душа старшей дочери наполнилась смутной тревогой. С

тех пор как умерла Элизабет Болтон, Александра прикладывала максимум усилий, чтобы сплотить семью, – а задача была не из легких, учитывая неукротимое пристрастие отца к картам и виски, которое могла сдерживать лишь мать. Последний раз отец приглашал Александру и двух ее младших сестер в свой кабинет, чтобы рассказать им о тяжелой болезни матери. Конечно, они и сами все понимали, ведь Элизабет угасала на их глазах. Помнится, известие о ее состоянии рвало сердце нестерпимой тоской, но не удивляло.

Элизабет умерла девять лет назад. С тех пор отец растерял всю выдержку, он даже не пытался обузывать дурные наклонности. Кори обладала неукротимым нравом и, когда Александра не следила за ней бдительным взором, делала все, что заблагорассудится. Оливия замкнулась в собственном мире акварелей и пастелей: хотя и выглядела довольной своей одинокой участью, старшая сестра была в отчаянии. Что же касается самой Александры, то она отказалась от настоящей любви ради того, чтобы заботиться о близких. И ни на секунду не пожалела об этом.

– Не стоит унывать, – сказала Александра с улыбкой. – Мы можем нуждаться в деньгах, но у нас есть прекрасный дом – пусть даже ему требуется ремонт, а еще нам есть что надеть, и пока мы не голодаем. Наша ситуация могла быть хуже.

Кори, которой исполнилось всего шестнадцать, демонстративно усмехнулась. В самом деле каждый ковер в этом доме был потертым, стены не мешало бы отштукатурить и

покрасить, а портьеры прямо-таки расползались от ветхости. Дела имения были так плохи, что штат пришлось сократить до одного слуги, позволив уволиться в прошлом году и садовнику. Лондонский дом семьи был продан, но поместье Эджмонт-Уэй, к счастью или нет, находилось недалеко от города, всего в часе езды от Гринвича.

Александра решила не обращать внимания на выходку безрассудной, излишне откровенной и невероятно красивой младшей сестры.

– Отец, что происходит? Твое поведение беспокоит меня.

Странно, но барон еще не был одурманен алкоголем, а ведь обычно напивался задолго до полудня. Что все это значило? Нет, Александра не могла надеяться на то, что он одумался. Она знала, что у отца не было ни малейшей причины даже пытаться изменить свою беспутную жизнь.

Барон вздохнул:

– Мой кредитный лимит исчерпан.

Тревога Александры усилилась. Подобно большинству людей высшего сословия, они жили на доходы от аренды земель и кредиты. Но одержимость азартными играми вынудила отца распродать за бесценок прежде сдаваемые в аренду фермы, одну за другой, и в результате в поместье осталось всего два арендатора. Того, что они платили, возможно, хватило бы на поддержание сносной жизни, если бы неудержимая страсть к картам не увлекала барона почти каждую ночь. Увы, он играл – чрезмерно, неудержимо – все эти годы после

смерти жены, так что Александре не оставалось ничего иного, как превратить свою любовь к шитью в источник дохода для всей семьи, хотя это занятие и казалось временами просто унижительным. Те же самые женщины, что когда-то наслаждались чаепитиями и зваными ужинами вместе с Элизабет и ее близкими, теперь были клиентками Александры. Леди Льюис получала несказанное удовольствие, лично вручая ей порванную и обтрепанную одежду, а потом, после возвращения предметов своего туалета, раздраженно жаловалась на то, как небрежно произведена их починка. Александра неизменно улыбалась и приносила свои извинения. На самом деле она в совершенстве владела ниткой и иглой и до того, как финансовые дела семьи пошли из рук вон плохо, обожала шить и вышивать. Теперь она сомневалась в том, что когда-либо снова вдела бы нить в иглу – если бы, конечно, судьба предоставила ей такой выбор.

Но членам семьи действительно было что носить, у них оставалась крыша над головой и еда на столе. Их одежда давно вышла из моды и уже не раз штопалась, крыша в плохую погоду протекала, а рацион, как правило, ограничивался хлебом, овощами и картошкой, и лишь по воскресеньям семья позволяла себе роскошь в виде мяса. И все же это было лучше, чем совсем ничего.

Кроме того, младшие сестры избегали вспоминать былые времена пышных обедов и балов. И Александра была благодарна за это.

Но как они будут жить дальше без кредита?

– Я возьму еще больше шитья, – решительно сказала Александра.

– Как ты сможешь справиться с таким ворохом работы? Ты и так не спишь ночами напролет, выполняя заказы клиентов! – возразила Кори. – У тебя мозоли на больших пальцах!

Сестра была права, и Александра знала это. В конце концов, она была всего лишь человеком и просто физически не справилась бы с еще большим количеством работы – разве только совсем отказалась бы ото сна.

– Прошлым летом лорд Хенредон просил меня написать его портрет. Я отказалась, – тихо произнесла Оливия. В то время как Кори была натуральной золотистой блондинкой, оттенок волос Оливии не поддавался описанию – ни белокурый, ни каштановый, какой-то невнятный, – но и средняя сестра Александры отличалась необычайной красотой. – Но сейчас я могу предложить жителям графства свои услуги в качестве художника-портретиста. Думаю, я могла бы заработать несколько фунтов за очень короткий срок.

Встревожившись, старшая сестра пристально посмотрела на Оливию. Счастье девочек значило для Александры все на этом свете.

– Ты – художник-натуралист, – мягко напомнила она. – Ты ведь ненавидишь писать портреты!

Но за беспокойством старшей сестры стояло гораздо боль-

ше. Александра знала, что Хенредон позволил себе непристойные шуточки в адрес Оливии, после которых, без сомнения, наверняка последовали бы не менее непристойные заигрывания. Хенредон был известен неподобающими способами ухаживания.

– Это хорошая идея, – возразила Оливия так же тихо и спокойно, но в ее зеленых глазах мелькнула сталь.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – ответила Александра, действительно горячо уповая на это. Она боялась, что добродушную сестру жестоко обманут, причем не только в том, что касается портретов.

– Сомневаюсь, что это понадобится, Оливия, – сказал Эджмонт и повернулся к Александре: – Сколько тебе лет?

Станный вопрос отца немного озадачил ее.

– Мне двадцать шесть.

Барон покраснел.

– Я думал, ты моложе, что, вероятно, тебе года двадцать четыре. Но ты – все еще привлекательная женщина, Александра, и превосходно ведешь домашнее хозяйство, даже несмотря на нехватку средств. Так что ты будешь первой – и покажешь надлежащий пример своим сестрам.

– Я буду первой, чтобы сделать что, отец? – помертвев от страха, осторожно спросила она.

– Чтобы выйти замуж, разумеется. Давно пора сделать это, разве ты так не считаешь?

Александра не верила своим ушам.

– Но у нас нет денег на приданое.

– Мне это известно, – резко бросил Эджмонт. – Кому, как не мне, знать об этом, Александра! И все же к тебе проявляют интерес.

Александра подтащила стул ближе и уселась. Ее отец сошел с ума? Ну кто стал бы думать о том, чтобы жениться на почти нищей старой деве такого возраста? Все в городе знали о ее жалкой «профессии» – точно так же, как и о том, что Эджмонт играл в карты и напивался буквально каждую ночь. Сказать по правде, доброму имени Болтонов давно был нанесен серьезный урон.

– Ты шутишь, отец?

Он нетерпеливо улыбнулся в ответ.

– Сквайр Денни подошел ко мне вчера вечером, чтобы справиться о тебе – и осведомиться, может ли он нанести визит.

От изумления Александра резко выпрямилась на стуле, заставив тот угрожающе покачнуться на неровных ножках. Неужели теперь, после того как прошло столько времени, у нее еще остался шанс на замужество? И впервые за все эти годы Александра подумала об Оуэне Сент-Джеймсе, мужчине, которому она отдала свое сердце еще давным-давно.

– Ты, разумеется, знаешь сквайра Денни, – продолжил отец, по-прежнему улыбаясь ей. – Ты несколько лет подшивала одежду для его ныне покойной жены. Недавно он снял траур, и, судя по всему, ты произвела на него впечатление.

Александра понимала, что не должна сейчас думать об Оуэне, их совместных надеждах и мечтах. Она вспомнила сквайра, величавого, в солидных летах мужчину, который всегда был с ней вежлив и почтителен. Александра была знакома с этим джентльменом не слишком хорошо, но его жена была ценной клиенткой. Когда супруга сквайра умерла, швея была опечалена – но теперь не знала, что и думать.

Александрю пробила дрожь. Когда она поставила крест на идее выйти замуж девять лет назад, у их семьи еще было достаточно средств. Но в настоящее время они дошли почти до крайней нищеты. Сквайр был состоятельным, владел землями. Брак с ним мог значительно улучшить их положение, их жизни.

– Ему, должно быть, лет шестьдесят! – побледнев, выдохнула Кори.

– Сквайр – немолодой человек, но он очень богат, к тому же ему всего пятьдесят, Кори. У Александры будет шкаф, битком набитый самыми модными платьями. Тебе ведь это понравится, не так ли? – И Эджмонт обернулся к старшей дочери, многозначительно подняв брови. – У него прекрасный особняк. А еще карета и великолепный одноконный экипаж.

Александра смотрела на отца расширившимися от изумления глазами, пытаясь собраться с мыслями. Выходит, у нее появился поклонник, к тому же зажиточный. Да, этот мужчина был намного старше, зато всегда относился к ней

по-доброму. И если ее новый воздыхатель склонен к щедрости, он может стать спасителем их семьи. Снова подумав об Оуэне и его ухаживаниях, Александра погрузилась. Что ж, пора выкинуть бывшего жениха из головы! Явный интерес со стороны сквайра Денни был лестным – более того, казался настоящим благом, подарком судьбы! В таком возрасте и положении, при нынешних обстоятельствах она не могла желать лучшей доли.

– Ты же знаешь, что я не забочусь о моде – я забочусь о тебе и девочках, – осторожно сказала Александра. Она поднялась со стула, стряхнув пыль со своих и без того безукоризненно чистых юбок, и теперь внимательно смотрела на отца. Он был трезв как стеклышко и явно не шутил.

– Расскажи мне о сквайре. Он знает, что у меня нет приданого?

– О, дорогая, – пробормотала Оливия. – Александра, ты не можешь рассматривать этого Денни в качестве жениха!

– Не смей даже думать о том, чтобы выйти за него замуж! – громко подхватила Кори.

Но Александра пропустила эти вспышки возмущения мимо ушей.

Эджмонт вперил непреклонный взгляд в младших дочерей:

– Вы двое будете держать свои мнения при себе. Они совершенно излишни. Да, Денни прекрасно осведомлен о нашем затруднительном положении, Александра. – Взор отца

стал мрачным.

– Существует ли хоть малейший шанс на то, что он сможет и захочет помочь нашему семейству? – спросила Александра после затянувшейся паузы.

Сорвавшись с места, Кори бросилась к старшей сестре.

– Как ты можешь думать о том, чтобы выйти замуж за этого жирного старого фермера? – возмутилась она и резко повернулась к отцу. – Как ты можешь выдавать Александру за муж за него против ее желания?

Эджмонт сердито посмотрел на дочь:

– Я уже сыт по горло вашими глупыми замечаниями, юная мисс!

– Кори, пожалуйста, я должна обсудить эту благоприятную возможность с отцом, – попыталась утихомирить сестру Александра, сжимая ее руку.

– Но ты так утонченна и красива! Так добра и мила, а он – жирный и старый! – стояла на своем Кори. – И это не благоприятная возможность – такая участь хуже смерти!

Александра мягко положила ладонь на руку сестры:

– Пожалуйста, успокойся. – Она обернулась к отцу. – Так что же?

– Наш разговор явно пошел не в том русле. Но – да, он очень богатый человек, Александра, я слышал, что этот фермер арендует большую часть земель Херрингтонов. Он, несомненно, будет щедр к нам.

Александра принялась в задумчивости покусывать губу –

она никак не могла избавиться от этой ужасной привычки. Леди Херрингтон была давней подругой семьи, помнится, Элизабет и Бланш питали взаимную симпатию. Леди Бланш навещала в Эджмонт-Уэй пару раз в год, когда проезжала мимо, чтобы справиться об Александре и ее сестрах. Сама Александра давным-давно не гостила у леди Бланш – главным образом из-за своей одежды, старомодной и такой поношенной, что появляться в ней на людях, право слово, казалось неловким. Но сейчас, должно быть, настал удачный момент для визита. Леди Бланш определенно знала о сквайре Денни все.

– Отец, буду откровенна: если этот фермер на самом деле склонен проявлять щедрость, я не вижу повода отказываться от предложения.

Кори вскрикнула от ужаса, но Эджмонт не удостоил ее вниманием.

– Ей-богу, Александра, ты – такая чуткая, самоотверженная женщина! Ты – совсем как твоя мама, она была такой же бескорыстной, жертвенной! Денни ясно дал понять, что будет великодушным зятем. А Оливия, несомненно, сможет вести домашнее хозяйство, когда ты выйдешь замуж.

Александра бросила взгляд на Оливию, которая явно пришла в ужас от подобной перспективы. Как же ей хотелось успокоить среднюю сестру, внушить той, что все будет в порядке!

– Сквайр прибудет с визитом завтра днем, надеюсь, ты

нарядишься в свое лучшее воскресное платье, – улыбнулся Эджмонт, довольный сговорчивостью дочери. – Что ж, раз мы обо всем договорились, мне пора.

Отец повернулся, чтобы уйти, но тут Кори в ярости схватила его за рукав.

– Ты не можешь продать Александру этому фермеру! – закричала упрямец, вспыхнув от негодования. – Она – не мешок картошки!

– Кори... – Оливия сжала руку сестры и принялась дергать ее, пытаясь оттащить своенравную девчонку от отца.

– Но именно этим он и занимается! – Кори уже чуть не плакала. – Он продает Александру жирному старому фермеру, чтобы пополнить свою казну, – а потом снова пустит все по ветру, сидя за карточным столом!

Рука Эджмонта метнулась в воздухе, и раздался громкий звук пощечины. Бедняжка Кори чуть не задохнулась, ладонь машинально коснулась покрасневшей щеки, а глаза наполнились слезами.

– Хватит с меня твоей дерзости! – вспыхнув, сквозь зубы процедил Эджмонт. – И мне очень не нравится, когда вы трое объединяетесь против меня. Я – ваш отец и глава этого дома. Вы будете делать то, что я скажу, – каждая из вас. Так что запомните мои слова: после Александры вы обе – следующие.

Сестры обменялись потрясенными взглядами. Александра вышла вперед, мечтая, чтобы Кори нашла в себе си-

лы простить отца за столь понятный в их обстоятельствах срыв, и одновременно сознавая, что сестра слишком молода и не сможет этого сделать. И все же оправдания грубому поведению Эджмонта не было. Александра заслонила собой сестру от отца, в то время как Оливия крепко обняла Кори. Обиженная бунтарка высоко держала голову, хотя и дрожала всем телом от ярости.

– Конечно, ты – глава этого дома. И конечно, мы будем делать то, что ты скажешь, – попыталась разрядить атмосферу Александра.

Но ее смирение не заставило отца смягчиться.

– Я не шучу, Александра. Я уже принял решение устроить этот брак, независимо от того, согласна ты или нет. Даже если сквайр не захочет помогать этому поместью, тебе все равно давно пора замуж.

Все тело Александры мучительно напряглось: она не осмелилась произнести свои мысли вслух и признаться, насколько поражена услышанным. В конце концов, была достаточно взрослой, чтобы ее вот так принуждали к свадьбе или заставляли делать еще что-то против воли.

Отец вдруг заговорил более сердечно:

– Ты – хорошая дочь, Александра, и истина заключается в том, что мои намерения продиктованы искренней заботой о твоих интересах. Вам всем нужны мужья и собственные дома. Я не могу предложить вам в женихи красивых молодых щеголей – и мне остается лишь сожалеть об этом. Но я сде-

лаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить вам достойную жизнь. Нам несказанно повезло, что тебе удалось привлечь внимание Денни – в твоём-то возрасте! Это наконец привело меня в чувство. Твоя мать, должно быть, в гробу переворачивалась, возмущаясь тем, как я пренебрегал твоим будущим. – Он бросил раздраженный взгляд в сторону Кори и Оливии. – И черт возьми, я жду хоть немного благодарности за свою заботу!

Ни одна из сестер не двинулась с места, они продолжали хранить ошеломленное молчание.

– Тогда мне пора идти. У меня планы на вечер, если это вам, конечно, интересно. – Опустив голову и старательно избегая встречаться глазами с дочерьми, которые были прекрасно осведомлены о том, как он собирается этот вечер провести, Эджмонт поспешил прочь из комнаты.

Когда за отцом громко захлопнулась парадная дверь дома, Александра обернулась к Кори:

– Ты в порядке?

– Я его ненавижу! – Кори по-прежнему была нервная дрожь. – Я всегда его ненавидела! Только посмотри, что он с нами сделал, до какого состояния довел! А теперь еще смеет гордиться тем, что решил сбыть тебя с рук, выдав замуж!

Александра обняла младшую сестру.

– Ты не можешь ненавидеть его, он – твой отец. Он не в состоянии побороть свою страсть к азартным играм, и его алкоголизм – такая же болезнь, как любовь к картам. Доро-

гая, я лишь хочу помочь тебе и Оливии. Я так хочу, чтобы вы обе жили лучше!

– Мы и так живем – лучше не бывает! – уже плакала Кори. – Это все – по его вине! По его вине мы влачим убогое существование! По его вине молодые джентльмены в городе предлагают мне цветы, а потом, за спиной, бросают на меня оскорбительные взгляды и шепчутся о том, как бы задрать мне юбку. Это по его вине у меня рваные платья! Я его ненавижу! И сбегу отсюда прежде, чем настанет мой черед выйти замуж за какого-нибудь противного старика!

Она вырвалась из объятий Александры и пулей вылетела из комнаты.

Александра с Оливией обменялись долгими, понимающими взглядами. В кабинете повисла тишина.

Наконец Оливия коснулась руки старшей сестры:

– Это неправильно. Мама выбрала бы для тебя принца. Она никогда не одобрила бы нечто подобное. И мы счастливы, Александра. Мы – одна семья.

Александра вздрогнула. В свое время Элизабет Болтон одобрила кандидатуру Оуэна. На самом деле она была в восторге от того, что старшая дочь нашла такую любовь. И неожиданно Александра в полной мере осознала, что Оливия права. Мама ни за что не благословила бы ее на этот в высшей степени рассудочный и выгодный брак с Денни.

– Мама умерла, а отец всецело поглощен своей разгульной жизнью. Я несу ответственность за семью, Оливия, я одна.

Это предложение – настоящее благо!

Выражение лица Оливии стало напряженным. В комнате снова надолго повисла тишина, пока средняя сестра не нарушила молчание:

– В тот момент, когда отец начал говорить об этом, я смотрела на твое лицо и понимала, что никто не сможет отговорить тебя от этой ужасной партии. Ты уже пожертвовала собой ради нас когда-то, но в ту пору я была слишком маленькой, чтобы осознавать это. Теперь ты собираешься сделать это снова.

Александра направилась к лестнице.

– Это – не жертва. Ты поможешь мне выбрать платье?

– Александра, пожалуйста, не делай этого!

– Только ураган или какое-нибудь другое стихийное бедствие сможет остановить меня, – отрезала она.

Огромная черная лакированная карета и упряжь превосходно сочетались друг с другом, черные как смоль лошади неслись вниз по дороге, на дверцах экипажа красовался красно-золотой герб Клервуда. Карету сопровождали двое слуг в ливреях. Внутри экипажа, роскошный интерьер которого был выполнен в тех же красных и золотистых тонах, что и семейный герб, герцог Клервудский привычно держался за ремень безопасности, пристально вглядываясь в темно-серые небеса за окном. Когда грянул гром, его рот изогнулся, словно одобряя капризы погоды. Мгновение спустя сверкну-

ла молния, и лицо герцога снова просветлело. Гроза обещала быть нешуточной: это обстоятельство радовало Клервуда – еще как радовало! – ведь пасмурный, промозглый день прекрасно подходил столь темной личности.

Он напряженно думал о своем предшественнике, предыдущем герцоге – человеке, который его вырастил.

Стивен Маубрей, восьмой герцог Клервудский, повсеместно признанный самым богатым и влиятельным аристократом королевства, перевел бесстрастный взор синих глаз на темно-серую усыпальницу, видневшуюся вдали. Расположенное на вершине безлесного холмика, это мрачное сооружение стало пристанищем для семи поколений дворян Маубрей. Стоило карете остановиться, как зарядил дождь. Герцог даже не шевельнулся, чтобы выйти из экипажа, лишь руки, державшиеся за ремень безопасности, крепко сжались.

Стивен приехал сюда, чтобы засвидетельствовать свое почтение предыдущему герцогу, Тому Маубрею, именно в этот день, в пятнадцатую годовщину его безвременной кончины. Стивен никогда не размышлял о прошлом, считая это бесполезным делом, но сегодня голова раскалывалась от воспоминаний с тех пор, как он встал на рассвете. В этот особенный день просто невозможно было не думать о прошлом. Как еще герцог мог принести дань уважения умершему и почтить его память?

– Я хочу поговорить с тобой, Стивен.

Мальчик был погружен в свои занятия. Стивен слыл прекрасным учеником, он усваивал все предметы и успешно справлялся с каждым заданием, чему немало способствовали усердие, самоотдача и дисциплина. Однако потребность превосходить других не давала ему покоя с самого раннего возраста – в конце концов, герцогу не подобало терпеть неудачи. Стивен не мог припомнить ни одного периода в своей жизни, когда он не прикладывал усилия, пытаясь постичь ту или иную вещь. Ни один разговор по-французски не был достаточно беглым, ни один барьер не был достаточно высоким, ни одно математическое уравнение не было достаточно сложным. Даже маленьким мальчиком, в возрасте шести-семи лет, он готов был заниматься до полуночи. И при этом никогда не слышал в свой адрес ни одной похвалы.

– Этот экзамен оценен на девяносто два процента, – резко бросил седьмой герцог.

Стивен задрожал и поднял глаза на высокого красивого блондина, высившегося над ним.

– Да, ваша светлость.

В то же мгновение листок с выполненным заданием был скомкан и брошен в камин.

– Ты сделаешь все заново!

И Стивен сделал. На этот раз он заработал девяносто четыре процента. Герцог был так разъярен учеником и его новыми баллами, что отправил Стивена в его комнату и запретил выходить оттуда оставшуюся часть недели. В конечном

счете мальчик получил сто процентов.

Очнувшись от своих мыслей, Стивен осознал, что один из лакеев держит для него дверь кареты распахнутой, в то время как другой протягивает открытый зонт. Дождь теперь припустил сильнее.

Голова герцога по-прежнему болела. Он кивнул лакеям и выбрался из кареты, проигнорировав зонт. Хотя на Стивене была приличествующая случаю фетровая шляпа, он тут же промок.

– Подождите здесь, – сказал Маубрей слугам, которых дождь не пощадил точно так же, как их хозяина.

Уныло бредя по своим владениям к усыпальнице, герцог рассеянно смотрел на особняк Клервуд, расположенный чуть ниже горного хребта, на котором и обосновался мраморный семейный склеп. Устроившийся в величественном парке, мавзолей казался тусклым и серым на фоне мрачных деревьев и еще более темных, набухших дождем туч. Раскаты грома доносились уже с востока, дождь зарядил всерьез.

Стивен распахнул тяжелую дверь склепа и вошел внутрь, доставая спички. Он один за другим зажег фонари, отметив, что гроза продолжает откатываться все дальше. Капли дождя сейчас опускались тяжелее и быстрее, барабания по крыше усыпальницы, словно молотки. Стивен чутко улавливал присутствие Тома Маубрея: покойный герцог лежал в глубоине зала в саркофаге, на котором красовалось его объемное

изображение, и, кажется, ждал своего наследника.

Стивен вступил в герцогство в возрасте шестнадцати лет. К тому моменту он уже знал, что Том не приходится ему биологическим отцом, хотя и не придавал этому обстоятельству большого значения. В конце концов, Стивена специально готовили для того, чтобы стать следующим герцогом, наследником Тома. Осмысление истины не было прозрением или откровением, скорее медленно вползающим в сознание пониманием, неотступным, растущим постижением. Герцог славился своими любовными связями, но у Стивена не было ни братьев, ни сестер, даже незаконнорожденных, что выглядело очень странно. И даже при том, что все детство наследника прошло в изоляции – его жизнь сводилась к гувернерам и учителям, герцогу и герцогине, имению Клервуд, – он непостижимым образом знал о слухах по поводу собственного происхождения. Эти разговоры преследовали Стивена постоянно – всегда, сколько он себя помнил. Его детские уши чутко улавливали сплетни много раз, случалось ли это во время большого Клервудского бала или было сказано слугами под лестницей. И несмотря на то, что Стивен не обращал внимания на перешептывания о «подкидыше» и «внебрачном ребенке», правда в конечном счете стала проникать в его сознание.

Стивен подумал о том, что уроки детства могут сослужить человеку хорошую службу. Всюду, куда бы он ни направился, за ним по пятам следовали слухи, сдобренные зави-

стью, ревностью и злобой. Но герцог неизменно игнорировал все колкости. Да и с какой стати он должен был к ним прислушиваться? Никто другой не обладал такой огромной властью в королевстве, как он – исключая, разумеется, монарших особ. Герцога совершенно не беспокоило, когда кто-то пытался упрекнуть его в холодности и жестокости, обвинял в том, что его не интересует никто и ничто, кроме Клервуда. Заботы о наследстве отнимали все время Стивена, точно так же, как и учрежденный им фонд, носящий его имя. Взяв бразды правления герцогством в свои руки, наследник утроил стоимость владений, а его фонд с тех пор стал щедро помогать приютам, больницам и другим благотворительным учреждениям по всему королевству.

Маубрей бросил взгляд в глубь зала, туда, где стоял серый каменный саркофаг его отца. Мать Стивена, вдовствующая герцогиня, вежливо отказалась сопровождать наследника в этот день. И он ее не винил: покойный герцог был холодным, критически настроенным и требовательным человеком – суровым надсмотрщиком для жены и сына. Стивен знал, что никогда не забудет, как мать постоянно защищала его – точно так же, как никогда не сотрет из памяти нескончаемое проявление ненависти родителей друг к другу, их яростные споры. И все же Том исполнял свой долг, не так ли? Долг старого герцога по отношению к Клервуду заключался в том, чтобы удостовериться: у Стивена есть характер, необходимый для того, чтобы управлять состоянием. И отцу это уда-

лось. Большинство мужчин не смогли бы справиться с тяжелым бременем ответственности, которое ложилось на плечи наследника вместе с вступлением в герцогство. Но Стивен предвкушал, как примет этот нелегкий вызов.

В склепе царила тишина, нарушаемая лишь стуком капель по крыше. Дождь колотил прямо над головой Маубрея, почти оглушая его. Стивен снял фонарь со стены и, медленно подойдя к белой мраморной гробнице, взглянул на выбитый в камне портрет герцога. Он не озаботился тем, чтобы произнести что-то в память о покойном отце – не было ничего, что он хотел бы сказать.

Но так было не всегда.

– Он просит тебя зайти.

Внутри у Стивена все сжалось от мучительного страха. Он медленно закрыл учебник, который читал, и поднял глаза на мать. По ее мертвенно-бледному лицу Стивен сразу догадался, что герцог находится при смерти. Вот уже три дня Том одной ногой стоял в могиле, и ожидание неизбежного казалось почти бесконечным. Нет-нет, Стивен вовсе не желал скорой кончины своего отца. Но подобный исход был неминуем, и напряженность этой ситуации была нестерпимой для всех в доме, даже для него. Впрочем, Стивена слишком долго учили тому, что герцог может и должен справляться с любой непосильной ношей во имя герцогства.

Наследник медленно поднялся, пытаясь подавить, не до-

пустить до сознания свои чувства, хотя и не уверенный наверняка, что они, эти чувства, есть в его душе. Стивен был следующим герцогом Клервудским, теперь настал его черед принять на себя обязанности и сделать то, что должен. Этому его учили с момента рождения и до сегодняшнего дня. Если отец умрет, он сосредоточит в своих руках все владения – и, став восьмым герцогом, добьется небывалых успехов. Любая неуверенность, которую он ощутит, должна быть немедленно и безжалостно подавлена. Ему просто запрещалось чувствовать неуверенность – точно так же, как страх, гнев или боль.

Герцогиня внимательно посмотрела на сына, словно ожидая его слез. Но Стивен никогда не стал бы плакать – и уж точно не публично. Он лишь мрачно кивнул матери, и они направились через анфиладу комнат. Даже если герцогиня и ожидала от сына проявления печали, он никогда не стал бы открыто демонстрировать подобные чувства. Кроме того, Стивен мастерски контролировал себя. Он давным-давно, еще маленьким мальчиком, твердо усвоил, что самообладание было настоящим спасением.

В человеке, лежавшем на смертном одре, теперь невозможно было узнать одного из самых могущественных аристократов королевства. Дифтерия истощила тело больного, оставив вместо прежнего крепкого мужчины маленькую изможденную тень. Тело Стивена напряглось, и на один короткий миг он даже потерял свой хваленый самоконтроль. Как

же ему не хотелось в этот момент, чтобы отец умирал!

В конце концов, этот человек вырастил его, относился как к родному сыну, дал ему абсолютно все...

Глаза герцога открылись. Его унылый взор, который сначала казался мутным, несфокусированным, тут же сосредоточился на сыне.

Стивен прошел вперед, все еще ощущая мучительный страх и в полной мере осознавая теперь, когда уже было слишком поздно, что он любил герцога – несмотря ни на что.

– Могу ли я что-нибудь сделать для вас, ваша светлость? – спросил Стивен и в ту же секунду понял, как сильно хочет взять руки отца, крепко сжать их и сказать, что он так ему благодарен – и что отец не должен умирать!

Они внимательно смотрели друг на друга. И внезапно сознание Стивена пронзила мысль: в этот последний момент жизни герцога ему бы очень хотелось знать, что отец им доволен. Наследник не слышал в свой адрес ни единого слова похвалы, лишь критику, осуждение, упреки. А еще длинные нотации о долге, усердии и стремлении к совершенству. И проповеди о характере и чести. Время от времени случались даже удары, жестокая порка хлыстом. И никогда не раздавалось ни единой похвалы. Поэтому сейчас Стивен так отчаянно хотел услышать хотя бы одно слово одобрения – и, возможно, выражения привязанности.

– Отец?

Герцог продолжал смотреть на сына, губы Тома скриви-

лись в презрительной усмешке, словно он знал, чего хотел Стивен.

– Клервуд – это все, – прохрипел отец. – Твой долг – заботиться о Клервуде.

Стивен лихорадочно облизал пересохшие губы, ощущая странную тревогу, почти отчаяние – целую гамму доселе незнакомых ему чувств. Герцог мог умереть в любое время, возможно, в это самое мгновение. Так что же – он был доволен сыном? Гордился им? Может быть, даже любил его?

– Конечно, – тяжело дыша, ответил Стивен отцу.

– Ты окажешь мне честь, – сказал герцог. – Ты что, плачешь?

Сын постарался взять себя в руки, приняв невозмутимый вид.

– Герцоги не плачут.

– И это, черт побери, правда! – уже задыхался герцог. – Поклянись на Библии, что никогда не оставишь Клервуд.

Стивен послушно повернулся и взял Библию, заметив, как трясутся руки и сбивается дыхание. Он понял, что не дождется ни похвалы, ни доброго слова – ни единого знака отеческой любви.

– Мой долг – заботиться о Клервуде, – произнес Стивен.

Глаза герцога осветились удовлетворением и в следующий же миг навсегда утратили способность видеть.

Стивен услышал, как в безлюдном склепе раздался рез-

кий, пронзительный звук. Он вздрогнул и с изумлением воззрился на саркофаг, но потом понял, что этот звук сорвался с его собственных уст. Разумеется, он обязан Тому Маубрею абсолютно всем в своей жизни, и теперь совершенно не пристало его критиковать.

– Вы, вероятно, довольны, не так ли? Радуетесь тому, что все вокруг называют меня холодным, жестоким и бессердечным? Тем, что все они видят во мне вас! – Голос Стивена эхом отозвался в тишине зала. Если Маубрей-старший и слышал сына, он ничего не ответил, не дал ни малейшего знака.

– Беседуешь с мертвецом?

Стивен снова вздрогнул и поспешил обернуться. Впрочем, он и без того прекрасно знал, что лишь один человек на этом свете посмел бы столь бесцеремонно нарушить уединение – его кузен и лучший друг, Алексей де Уоренн.

Алексей стоял небрежно привалившись к приоткрытой двери склепа, промокший насквозь и взъерошенный, его темные волосы спадали на лукавые ярко-синие глаза.

– Твой дворецкий, Гильермо, сказал, что я найду тебя здесь. Ты, должно быть, совсем спятил, если пируешь тут с умершими! – бестактно усмехнулся он.

Стивен был очень рад видеть своего кузена, о биологическом родстве с которым вне семейного круга не знал никто. Двоюродные братья были неразлучны с самого детства, их дружба подтверждала справедливость старой поговорки о

том, что противоположности притягиваются. Стивену было девять лет, когда мать привезла его в Херрингтон-Холл, и он познакомился с таким множеством детей, что не смог сразу запомнить их имена. Это были его многочисленные кузены из семейств де Уоренн и О'Нил. Тогда Стивен не знал о своем родстве с ними: о том, что его настоящим отцом является сэр Рекс де Уоренн, он догадался намного позже. В ту далекую пору Стивен был поражен сердечностью и ненаигранной, совершенно естественной привязанностью, связывавшей родственников, — он и не подозревал, что семья может быть столь любящей, а дом способен вмещать так много смеха. По правде говоря, Стивен не понимал и того, как ему себя вести, ведь он не знал никого в этом доме и не принадлежал к этой семье. Но его мать ушла с другими леди, а он так и остался стоять в одиночестве в дальнем углу набитой битком комнаты, засунув руки в карманы пиджака и наблюдая за мальчиками и девочками, которые оживленно болтали и с удовольствием играли друг с другом. Помнится, тогда именно Алексей подошел к Стивену, настаивая на том, что новый знакомый должен присоединиться к нему и другим мальчикам и делать то, что и полагается ребятам их возраста: искать на свою голову проблемы — и чем больше, тем лучше. Они украли лошадей и понеслись галопом по улицам Гринвича, переворачивая повозки торговцев и разгоняя пешеходов. Тем вечером за выходки наказали всех маленьких хулиганов. Услышав о поведении сына, герцог стал мертвен-

но-бледным и достал ремень – но Стивену было все равно, ведь он провел время замечательно, так, как никогда в жизни. В тот день и началась его дружба с Алексеем.

Несмотря на нынешний статус степенного, женатого мужчины, Алексей оставался самым свободолюбивым человеком, самым независимым мыслителем из всех, кого Стивен знал. Они могли часами спорить чуть ли не по любому поводу, обычно соглашаясь в общем и расходясь почти по каждой частности. До женитьбы Алексея они частенько кутили вместе – когда-то де Уоренн слыл отъявленным бабником. Стивен восхищался своим кузеном – и почти завидовал ему. Алексей жил именно так, как всегда мечтал Маубрей: он не был слугой долга или рабом наследства. Стивен не мог себе представить, каково это – иметь такой выбор или такую свободу. Однако Алексей тоже пошел по стопам своего отца и встал у руля огромной судоходной компании. В сущности, пока кузен не женился на Элис, его главной любовью было море. Сейчас, что казалось просто удивительным, жена Алексея сопровождала его в длинных морских путешествиях, и они попеременно жили в разных уголках света.

– Я едва ли разговариваю с покойником и меньше всего собираюсь тут пировать, – сухо ответил Стивен, подходя к Алексею и ненадолго сжав его в дружеских объятиях. – А я-то гадал, когда же ты вернешься в город. Как Гонконг и, что более важно, как твоя жена?

– С моей женой все просто замечательно, и, если хочешь

знать, она приятно взволнована возвращением домой – Элис соскучилась по тебе, Стивен. Бог знает почему... Должно быть, это все твое безудержное обаяние!

Алексей опять усмехнулся и бросил взгляд на гробницу с профилем старого герцога.

– Снаружи льет как из ведра, дорогу внизу почти размыло. Нам, вероятно, стоит переждать грозу здесь. Ты не рад, что я пришел? – Он вытащил из кармана флягу. – Мы можем помянуть старика Тома вместе. Твое здоровье!

Стивен поймал себя на том, что улыбается.

– Если честно, я очень рад, что вы двое вернулись домой, и да, я с удовольствием выпью.

Но герцог умолчал о том, что они оба прекрасно знали: Алексей презирал Тома Маубрея и никогда бы не подумал всерьез о том, чтобы чтить его память. Алексей никогда не понимал отцовские методы Тома. Его воспитывали совсем по-другому: де Уоренн не слышал в свой адрес ни одного устного жесткого упрека, не говоря уже о наказании хлыстом.

Алексей вручил кузену флягу.

– Между прочим, в камне он выглядит намного лучше. Сходство просто поразительное.

Стивен немного отпил и вернул другу флягу.

– Мы не можем проявлять непочтительность по отношению к покойному, – предостерегающе заметил он.

– Разумеется, нет. Бог запрещает тебе пренебрегать своим долгом, который заключается в том, чтобы чтить отца и

управлять герцогством. А ты не изменился, как я посмотрю. – Алексей сделал глоток. – Долгу – время, потехе – час... как же вы добропорядочны, ваша светлость!

– Мой долг – это моя жизнь, и я не изменился, хорошо это или плохо, – снисходительно бросил Стивен, которого позабавили слова друга. Алексей любил читать ему лекции, упрекая в нежелании наслаждаться светлыми, радостными моментами жизни. – Представь себе, у некоторых из нас есть обязанности.

Алексей насмешливо фыркнул.

– Обязанности – одно, кандалы – совсем другое, – изрек он и снова глотнул из фляги.

– Да, я действительно страшно порабощен, – признал Стивен, – и это ужасная судьба: обладать могуществом покупать, брать или делать то, что я хочу, и всякий раз, когда я хочу.

– Том хорошо обучил тебя, но однажды в тебе заговорит кровь де Уореннов, – невозмутимо заметил Алексей. – Даже если твое хваленое могущество пугает всех остальных, обращая их в смиренное повиновение, подобострастное угодничество или откровенное раболепие, я всегда буду пытаться направить тебя в верное русло.

– Я не был бы столь сведущим в делах, успешным герцогом, если бы не повиновался долгу, – снисходительно бросил Стивен. – Клервуд давно пришел бы в упадок. И полагаю, в нашей семье уже достаточно безрассудных искателей приключений.

Он не мог сдержать улыбку. На самом деле мужчины династии де Уоренн были безрассудны ровно до того момента, пока не приходил их черед жениться и остепениться, и Алексей служил ярким тому доказательством.

– Клервуд – и в упадке? Пока ты у руля, это просто невозможно. – Алексей шутливо отсалютовал кузену. – И как я понимаю, ты решил не идти по моим стопам, несмотря на все уговоры. Ах, как же я подавлен!

Стивен снова улыбнулся.

Алексей просиял ответной улыбкой и констатировал:

– Значит, я лишь убедился в том, что ничего не изменилось и ты по-прежнему остаешься самым заманчивым холостяком Британии?

Слова кузена искренне удивили Стивена. Родственники герцога по линии де Уореннов – те, кто знал о том, что сэр Рекс приходится ему отцом, – частенько попрекали его статусом холостяка. Разумеется, Стивену нужен был наследник, но он приходил в ужас от мысли о холодном, грустном, скучном браке.

– Тебя не было десять или одиннадцать месяцев. И чего ты ожидал? Надеялся по возвращении обнаружить, что я в конце концов обручился?

– Тебе недавно исполнилось тридцать два, а поиски невесты ты начал лет пятнадцать назад!

– В таком серьезном деле спешить не стоит, – криво усмехнулся Маубрей.

– Спешить? Ты, должно быть, наоборот, хочешь предотвратить свою женитьбу! Можно лишь отсрочить неизбежное, Стивен, но никак не отвести его совсем, и я, со своей стороны, очень рад, что ты отклонил самые последние предложения этого сезона.

– Должен признать, этот глупый, шутливый флирт с семнадцатилетними барышнями, пусть даже весьма утонченными, мне порядком надоел. Ты, разумеется, никому об этом не скажешь.

– А ты взрослеешь – и, естественно, я никому об этом не скажу! – с жаром поклялся Алексей.

Стивен от души рассмеялся: он делал это крайне редко, но Алексей всегда умел заставить его взглянуть на ситуацию с юмором.

– Надеюсь, что взрослою – все-таки я уже мужчина средних лет.

Они снова по очереди отпили из фляги, на сей раз в полной тишине. Наконец Алексей нарушил молчание:

– Выходит, ничего действительно не изменилось за то время, что я был в отъезде? Ты остался все таким же трудолюбивым и деятельным, строишь больницы для матерей-одиночек и осваиваешь горные отводы, добывая средства для герцогства?

Стивен помедлил, не решаясь согласиться с очевидным.

– Ничего не изменилось.

– Как это скучно! – Померкнув, улыбка сбежала с лица

Алексея, и он посмотрел на высеченный в камне портрет покойного герцога. – Старина Том на том свете, должно быть, тобой гордится – наконец-то.

Стивен застыл на месте при упоминании об этом его тайном желании и тоже взглянул на портрет отца. В какой-то момент наследнику показалось, будто Том уселся напротив и насмешливо, с издевкой смотрит на него, живой – и обличающий, как всегда. У Стивена внутри все болезненно сжалось, но видение тут же рассеялось. Том глядел на сына с подобной презрительной усмешкой тысячи раз, и обычно Стивен старался как можно быстрее забыть об этом, но в такие дни, как сегодняшний, память неизменно напоминала ему о былом.

– Отец мной гордится? Сомневаюсь.

Они мрачно переглянулись.

– Сэр Рекс гордится, – помолчав, веско произнес Алексей. – И, кстати говоря, ты совсем не такой, как Том, даже если пытаешься абсолютно во всем походить на него.

Стивен напряженно обдумывал слова Алексея, понимая, что тот нечаянно подслушал его «разговор» с каменным изображением отца.

– У меня нет ни малейших иллюзий по поводу моего характера, Алекси. Но раз уж речь зашла о сэре Рексе, скажу, что он всегда был внимателен и заботлив, я всегда чувствовал его поддержку. Сэр Рекс был добр ко мне, когда я был еще мальчишкой, даже до того, как я догадался об истинной

природе наших отношений. Ты, вероятно, прав, когда говоришь, что он гордится мной. Но, говоря начистоту, это не имеет значения. Я не нуждаюсь в том, чтобы кто-то восхищался мной, гордился моими достижениями. Я сам знаю, что должен делать. Мне хорошо известен мой долг – хотя ты наверняка будешь смеяться над этим.

– Черт побери, у тебя просто потрясающий характер! – Алексей уже сердился, его синие глаза искрились возмущением. – Я приехал, чтобы спасти дорогого друга от угрюмого старика Тома, но теперь я понимаю, что мне придется спасти тебя от тебя же самого! Каждому человеку нужны любовь и восхищение, Стивен, даже тебе.

– Ты ошибаешься, – тут же отозвался Маубрей, несколько не кривя душой.

– Почему? Только потому, что ты рос без любых проявлений любви и привязанности, ты полагаешь, что сможешь жить так и впредь? Хвала Создателю, в тебе течет кровь де Уореннов!

Стивену не хотелось продолжать этот бессмысленный и глубоко личный спор, поэтому он коротко бросил:

– Меня не нужно спасать, Алекси. Я – богач, облеченный властью, помнишь? Я – тот, кто спасает других.

– Ах да, конечно, и эта благородная работа, которую ты выполняешь ради тех, кто не способен помочь себе сам, достойна восхищения! Возможно, именно это и помогает тебе оставаться в здравом уме – потому что отвлекает, мешая

осознать жестокую правду о себе самом.

Стивен с трудом подавил в своей душе приступ боли и гнева.

– Почему ты так надоедливо твердишь об одном и том же?

– Потому что я – твой кузен, и если не я, то кто же это сделает?

– Твоя жена, твоя сестра и еще бесчисленное число других родственников.

Алексей ухмыльнулся:

– Что ж, довольно, и так уже сказано достаточно много. Давай-ка поспешим к карете, а то, если дорогу совсем размыло, нам придется добираться вплавь.

Стивен разразился смехом:

– Если ты утонешь, Элис утопит меня! Думаю, нам стоит переждать непогоду здесь.

– Да, она наверняка так и сделает, а ты, естественно, опять хочешь быть благоразумным и прагматичным, – согласился Алексей, но все же распахнул дверь усыпальницы. Ливень по-прежнему не утихал. – Я скучаю по старине Тому. И предлагаю переместиться в твой кабинет с самым восхитительным, самым выдержанным ирландским виски, который только сыщется в баре.

Уже приготовившись выйти наружу, Алексей оглянулся и бросил взгляд на семейный склеп.

– Знаешь, у меня такое чувство, будто он здесь – подслушивает нас и по привычке выражает свое неодобрение.

Стивен на мгновение застыл на месте и резко бросил:
– Он мертв, слава богу, мертв вот уже пятнадцать лет.

Да, герцог давно умер, и все же Стивену стало не по себе при мысли о том, что лучший друг тоже почувствовал присутствие старика.

– Тогда почему ты не освободишься от него?

Стивен в изумлении взглянул на кузена. О чем это он?

– Я и так совершенно свободен от него, Алекси, точно так же, как и от прошлого, – осторожно заметил Маубрей. – Но мной движет чувство долга, и, несомненно, даже ты в состоянии понять это. Я – Клервуд.

Алексей проницательно посмотрел на него:

– Нет, Стивен, ты несвободен и от отца, и от прошлого, и мне жаль, что ты никак не можешь этого понять. Впрочем, ты прав, тобой правит долг, и сейчас мне вряд ли стоит ждать от тебя чего-то иного. Даже странно, что я все равно на что-то надеюсь.

Алексей ошибался, кузен просто не мог понять чувства долга, обязанности заботиться о наследстве Клервуда. И Стивен не испытывал ни малейшего желания спорить об этом. Он просто хотел как можно быстрее уйти от Тома.

– Дождь стих. Пойдем.

Глава 2

Александра помедлила, обернувшись к сестрам.

– Пожелайте мне удачи, – с мрачной решимостью произнесла она. Бесстрастная улыбка застыла на ее лице, вместо того чтобы ярко, обнадеживающе сиять. Сквайр Денни ждал в соседней комнате вместе с отцом. Странно, но Александра нервничала. Впрочем, это казалось странным только на первый взгляд, ведь на карту было поставлено будущее ее семьи.

Александра понимала, что лезть из кожи вон, чтобы произвести хорошее впечатление, глупо – учитывая то, с кем ей придется иметь дело, – и все же окинула себя взглядом в зеркале, висевшем в коридоре. Оливия помогла ей уложить волосы, прическа вышла немного строгой – гладкие волосы, стянутые в низкий пучок. Еще хуже дело обстояло с платьем: даже притом, что Александра выбрала наряд, с которым годы обошлись значительно лучше, чем с остальными, он все равно был явно поношенным и старомодным. Александра вздохнула: даже самая искусная штопка не могла придать более или менее сносный вид потрепанному подолу, привести платье в порядок была способна лишь пышная, недешевая отделка.

– Я выгляжу неряшливо, – откровенно признала она.

Кори и Оливия переглянулись.

– Ты выглядишь как героиня романа, которая страдает по

вине трагических обстоятельств, – сказала Оливия, – и ждет своего героя, темного рыцаря, который должен ее спасти.

Она потянулась к волосам старшей сестры и ослабила несколько прядок волос, чтобы пучок не был таким тугим.

Александра улыбнулась ей:

– Я – не трагическая героиня, хотя сквайр прекрасно подошел бы на роль героя-спасителя. Что ж, думаю, не стоит откладывать нашу с ним встречу.

– Не нужно так волноваться, – тихо заметила Оливия. – Он явно расположен к тебе.

– Не знаю, почему ты не разрешила именно мне заняться твоими волосами, – недовольно бросила Кори, и ее глаза вспыхнули укором.

– Я с удовольствием поступила бы именно так – если бы могла тебе доверять, – отозвалась Александра. Уж кто-кто, а она-то прекрасно знала свою упрямую младшую сестру, которая наверняка специально растрепала бы волосы, в надежде обратить сквайра в бегство.

Из соседней гостиной теперь отчетливо слышались мужские голоса. Полная решимости, Александра двинулась вперед. Обе сестры направились следом, у двери ее обняла Оливия.

– Я согласна с Кори, Александра. Ты можешь устроить свою жизнь намного лучше. Он недостаточно хорош для тебя. Пожалуйста, обдумай все еще раз.

Но Александра даже не удосужилась объяснить средней

сестре, что все уже для себя решила, смирилась со своей участью: как обычно, она собиралась сделать то, что будет лучше для семьи.

Оливия вздохнула, посмотрев на Кори, которая, казалось, потеряла рассудок от возмущения и горя.

– В конце концов, это же не конец света, – твердо обнадежила Александра, заставляя себя широко улыбнуться. – На самом деле это новое начало для всех нас.

Отбросив страх, она храбро распахнула дверь. И тут же услышала за спиной тихий возглас Кори:

– О боже, я и забыла, какой он низкий!

Старшая сестра не удостоила вниманием это неделикатное замечание. Обладая исключительно высоким для женщины ростом, Александра уже привыкла к тому, что большинство мужчин были ниже ее. Отец и Денни стояли перед окном, словно восторгаясь запущенными, грязными, заросшими садами поместья. Утром дождь прекратился, но газон снаружи напоминал небольшое озеро. Сквайр, судя по всему, был на пару дюймов ниже Александры – так что Кори явно ошиблась, его рост казался обычным, средним.

Мужчины обернулись. Сердце в груди Александры тревожно сжалось.

Денни соответствовал образу, оставшемуся в ее памяти: это был полный, крепко сбитый мужчина с бакенбардами и добрыми глазами. Для этого, особого случая он надел сюртук – ладно скроенный и очень дорогой, как тут же оцени-

ла Александра. Потом она заметила на руке сквайра кольцо с печаткой – золотое, украшенное впечатляющим драгоценным камнем. Внимательно рассматривая кандидата в мужа, Александра чувствовала себя настоящей охотницей за богатыми женихами.

Впрочем, разве она на самом деле не была таковой?.. В ушах зазвучали слова младшей сестры: «Ты не можешь продать Александру этому фермеру!» Но отец мог – собственно, нечто подобное происходило вокруг все время, сплошь и рядом, мрачно думала Александра. В светском обществе мало кто вступал в брак по любви. А женщинам в ее положении даже мечтать об этом не приходилось.

Гостиная казалась совсем маленькой и бедной, с этими горчично-желтыми стенами, выцветшими зелеными шторами и убогой, потертой мебелью. Отец вышел вперед и, улыбаясь, взял ее под руку.

– Александра, а вот и ты!

Эджмонт обернулся так, что они с дочерью оказались лицом к лицу со сквайром. Александра медленно перевела на него взор – глаза Денни сияли.

– Прошу прощения, если заставила вас ждать, – с трудом выдавила она, чувствуя, как учащается дыхание. Откуда же взялась эта неожиданно накатившая грусть? Может быть, Александра печалилась потому, что, если все пойдет по плану, ей придется оставить Эджмонт-Уэй и свою обожаемую семью? Бедняжка вдруг подумала об Оуэне и том глубоком,

искреннем чувстве, которое их связывало, – настоящей страсти. Но она должна быть решительной! С тех пор как отец объявил Александре о скором и неизбежном замужестве, она никак не могла выкинуть Оуэна из головы. Но такая любовь – не для нее, поэтому о прошлом нужно забыть.

– Это моя красавица дочь, Александра, – гордо провозгласил Эджмонт, сияя от радости.

– Я с большим нетерпением ждал нашей встречи, мисс Болтон, и теперь просто счастлив вас видеть, – улыбнувшись ей, сказал Денни.

Александра заставила себя ответить на его улыбку. И тут же подумала о том, с какой добротой всегда относился сквайр к своей покойной жене. Да, он был хорошим человеком. Возможно, со временем она смогла бы хоть немного его полюбить.

– Это весьма любезно с вашей стороны, – ответила Александра, не в силах унять бившую тело дрожь.

– У нас была возможность обсудить прогноз погоды на лето, напечатанный в «Календаре фермера», – завел беседу отец. – Денни считает, что лето будет хорошим – не слишком жарким, с обильными осадками.

– Это просто замечательно! – отозвалась Александра. Она действительно была искренне рада, ведь каждый фермер в графстве зависел от хорошей погоды урожаем зерновых и средствами к существованию.

– Мне выпало три хороших года подряд, позволивших по-

лучить довольно высокую прибыль с продажи урожая, а заодно и окупить некоторые другие инвестиции, – с жаром произнес Денни.

Проницательный взгляд его карих глаз сосредоточился на Александре.

– Я вкладываю деньги главным образом в строительство железных дорог. В настоящее время я пристраиваю к дому огромное крыло, в котором будет располагаться вместительная, роскошная гостиная. Там же я планирую устроить небольшой танцевальный зал – решил, что в будущем хочу развлекаться, принимать гостей. Мне хотелось бы продемонстрировать вам, как воплощаются в жизнь мои планы, – добавил сквайр.

– Убедена, ваши планы просто поразят меня.

– В его особняке пятнадцать комнат, – принялся горячо нахваливать Эджмонт, – только представь, Александра, пятнадцать комнат!

Она снова расплылась в вымученной улыбке, но тревога в душе усилилась, против всех желаний и намерений. Сквайр по-прежнему не сводил с нее восхищенного взгляда, его щеки горели огнем, темные глаза блестели. А что, если он был влюблен в нее? Александре не хотелось причинять сквайру боль, ведь она явно никогда не смогла бы ответить на столь сильную страсть.

– Вы можете нанести визит в Фокс-Хилл в любое время, – сказал Денни. – Сказать по правде, я бы с превеликим удо-

вольствием устроил для вас экскурсию по дому и садам.

– Тогда я просто обязана навестить вас как можно быстрее! – стараясь казаться беспечной, отозвалась Александра и выразительно взглянула на отца. Ей во что бы то ни стало нужно было остаться с Денни наедине, чтобы выяснить, готов ли он помогать ее сестрам.

Эджмонт расплылся в улыбке:

– Сквайр приглашен на торжество к де Уореннам завтра вечером. Это такая честь, ведь они собираются праздновать день рождения дочери леди Херрингтон!

– Это впечатляет, – признала Александра. Она не слышала о грядущем приеме, но была знакома с обеими дочерьми леди Херрингтон. К сожалению, она не виделась с Сарой и Мэрион вот уже несколько лет, девочки были близки по возрасту к Оливии и Кори.

– Я в прекрасных отношениях с леди Херрингтон и сэром Рексом, – вдохновенно выпалил Денни. – Званный ужин устраивается в честь их младшей дочери, Сары. Мне бы хотелось, чтобы вы присоединились ко мне, мисс Болтон, – с вашими сестрами, разумеется.

Первой реакцией Александры было явное изумление, потом она тотчас вспомнила о своих сестрах, которые никогда не присутствовали на торжестве в высшем обществе. Мысли беспорядочно заметались в голове. Конечно, ей стоит принять это заманчивое предложение. Праздник может стать для сестер чудесной возможностью побывать в свете – а за-

одно и одним из тех прекрасных вечеров, которые они заслужили. Оливия и Кори должны были бывать в высшем обществе, им давно следовало привыкнуть к подобным приемам. Но ни у Александры, ни у ее сестер не было новых платьев с тех самых пор, как слегла их мать. Когда горькая правда о состоянии Элизабет всплыла наружу, их перестали приглашать из-за печальных обстоятельств. А даже если кто-то и зазывал в гости, у сестер все равно не было надлежащих нарядов, которые позволили бы им появиться в обществе.

Кори еще могла бы надеть одно из своих старых бальных платьев – разумеется, после небольшой переделки. И конечно же они смогли бы подобрать что-то для Оливии из одежды матери. В таком случае сестры выглядели бы старомодными и достойными жалости, но все-таки смогли бы присутствовать на торжестве.

– Мы бы с радостью присоединились к вам, – поспешила ответить Александра.

Эджмонт внимательно посмотрел на дочь. Александра знала, что он напряженно обдумывает тот же вопрос: как они найдут достойную светского приема одежду.

– Отец, я надеялась прогуляться в компании сквайра, ведь выглянуло солнце, и дождя, судя по всему, в ближайшее время не будет.

Глаза барона расширились от удивления, и он одарил послушную дочь лучезарной улыбкой.

– Что ж, я буду в своем кабинете. Наслаждайтесь прогул-

кой, — сказал он и вышел из гостиной, оставив дверь распахнутой настежь.

Александра молча смотрела на порог, пока шаги отца не стихли. Потом она обернулась к поклоннику:

— Сквайр Денни, я весьма польщена вашим визитом.

— Полагаю, даже ливень с ураганом не смогли бы удержать меня от поездки сюда.

— Скажите, мы можем поговорить с вами предельно откровенно?

Его глаза изумленно округлились.

— Искренность мне по душе! Это одна из тех вещей, что мне больше всего в вас нравится, мисс Болтон, наряду с вашим исключительно добрым нравом. Вы всегда изъясняетесь прямо.

Она опустила глаза.

— Боюсь, вы поставили меня на пьедестал, вознесли на высоту, которой я не заслуживаю.

Брови сквайра удивленно приподнялись.

— Если какая-то женщина и заслуживает стоять на пьедестале, мисс Болтон, то это вы. — Александра бросилась возражать, но он прервал ее сбивчивую речь. — Я восхищался вами многие годы. Вы так замечательно заботились о своих сестрах и отце, подобные самоотверженность и сострадание достойны похвалы. А потом, разумеется, я не мог не восторгаться вашей красотой. Сейчас, стоя здесь, так близко к вам, я буквально теряю дар речи.

Александра слегка покраснела от смущения. Она не считала себя красавицей, способной сводить с ума мужчин, но спорить со сквайром не собиралась.

– Мне приятно, что вы находите мои внешние данные привлекательными. И вы абсолютно правы в одном – я изо всех сил пытаюсь заботиться о своих младших сестрах и отце. Оливии всего девятнадцать, Кори и того меньше, шестнадцать.

Легкое недоумение отразилось на грубовато-добродушном лице сквайра.

– Ваши сестры – прекрасные юные леди.

Александра жестом предложила ему сесть, решив, что важный разговор лучше провести до прогулки. Сквайр опустился на стул, она уселась рядом, в волнении положив сжатые руки на колени.

– Я собиралась выйти замуж девять лет назад, еще до кончины моей матери. Когда мама умерла, я приняла решение посвятить всю себя семье – и разорвала отношения с женихом. – Александра решительно улыбнулась. В душе еще жила старая печаль, которая накатила и теперь, при воспоминании об Оуэне и их светлых мечтах. – Я пообещала маме, что буду заботиться об этой семье. Я взяла на себя серьезное обязательство беспокоиться о благополучии своих сестер и отца.

– Обязательство, о котором вы говорите, только усиливает мое восхищение вами, мисс Болтон. – Сквайр немного по-

медлил, не решаясь продолжить, но все же сказал: – Мне показалось, что вы любили того джентльмена.

Она кивнула:

– Да, любила.

– Вы – просто совершенство, достойный образец для подражания, мисс Болтон! Но зачем вы говорите мне все это?

– Насколько откровенной я могу быть с вами? – спросила она, выпрямившись на стуле.

– Настолько откровенной, насколько это требуется. – Денни покраснел и, похоже, неожиданно встревожился. – Не собираетесь ли вы сказать, что останетесь верной обету, принесенному на смертном одре матери?

– Я буду заботиться о сестрах и отце, пока не умру – хотя, надеюсь, мои сестры выйдут замуж задолго до этого дня, – улыбнулась Александра.

Он покачал головой:

– Понимаю. У меня благородные намерения, мисс Болтон.

– Именно так мне и сказал отец.

Сквайр перехватил ее пристальный взгляд.

– Знаете, почему я предложил, чтобы ваши сестры сопровождали нас завтра вечером?

Александра отрицательно покачала головой:

– Понятия не имею.

– Мне показалось, что присутствие сестер сделает вечер более приятным для вас – и менее неловким. Но не только поэтому. Мне также показалось, что двум столь молодым ле-

ди нужно дать возможность выйти в свет и обратить на себя внимание.

Сердце Александры учащенно забилося.

– Это так любезно с вашей стороны!

– Я считаю себя человеком добрым – и щедрым. Если мои ухаживания не останутся без внимания, а я надеюсь, что будет именно так, вам не придется нести бремя забот о вашей семье.

У нее перехватило дыхание, из глаз хлынули слезы. От волнения она не могла вымолвить ни слова.

Но теперь Александра знала главное. У поклонника имелось немалое состояние, его намерения были серьезными, и он не собирался скупиться на нужды ее семьи.

– Я многие годы восхищался вами, мисс Болтон – восхищался издали и всегда с большим почтением. – Теперь Денни заговорил обстоятельно, задумчиво. – Я и представить себе не мог, что моя жена умрет вот так внезапно – она не жаловалась на здоровье вплоть до своей смертельной болезни. Я горько оплакивал ее кончину.

Он помедлил, помрачнев на мгновение.

– Но моя супруга умерла, с тех пор прошел год. Вы по-прежнему не замужем, и это вызывает у меня недоумение. – Сквайр снова встретился с ней взглядом. – У меня очень твердый характер, мисс Болтон. Я – надежный и честный человек. Уверен, если вы дадите мне шанс добиться вашего расположения, все сложится к нашему обоюдному удоволь-

ствию.

— Я отнесусь к вашим знакам внимания со всем уважением и вниманием, — с трудом произнесла Александра. Она едва ли могла поверить в происходящее. Подумать только, у ее сестер может быть будущее вне Эджмонт-Уэй! Это казалось настоящим чудом.

Сквайр поднялся со стула, как и она.

— Пойдемте прогуляемся?

Александра оперлась на предложенную им руку.

— С превеликим удовольствием.

Когда они вышли из дома, Александра бросила взгляд через плечо. Кори и Оливия стояли в дверном проеме, на их мрачных лицах застыла тревога. Потом Кори резко повернулась и умчалась в дом.

Все тело Александры волнительно вытянулось в струнку, когда экипаж сквайра остановился в веренице карет на округлой подъездной аллее перед Херрингтон-Холл. Вечер был замечательным: небо над высокой серой каменной крышей особняка окрасилось розовым, красноватые и персиковые блики проползали по великолепным садам и землям. В центре аллеи красовался фонтан, его мощные струи взлетали на дюжину футов вверх, щедро выплевывая воду. Но измученной Александре было не до окружающих красот: она не спала всю ночь, завершая починку и переделку нарядов для себя и сестер. Сказать по чести, она шила без перерыва

с тех самых пор, как сквайр Денни попрощался с ней вчера днем.

Ничего удивительного, что теперь Александра ощущала беспокойство, а не приятное волнение. И напряженность, сковывавшая ее, только усиливалась. Они с Оливией и Кори сидели против движения, лицом к отцу и Денни, так что Александре пришлось вытянуть шею, чтобы выглянуть наружу. Стоявшие впереди кареты поражали внушительными размерами, это были роскошные экипажи с великолепно подобранными лошадьми и кучерами в ливреях. Из этих карет величественно выходили джентльмены в нарядных смокингах и леди в бальных платьях. Даже в сумерках Александра видела, как сверкают драгоценности на шеях и в ушах леди, на руках джентльменов. А она почти забыла, какой богатой была местная знать! Александра опустила глаза на собственные пальцы без колец, бросила взгляд на свое зеленое атласное платье. Ткань должна была сиять, переливаться, но основательно потертый теперь наряд слишком долго провисел в шкафу. Никто уже не носил платья с пышными рукавами до локтей, но Александре не хватило времени переделать свое одеяние, она успела лишь укоротить рукава на нарядах Оливии и Кори. Ее юбки тоже были чересчур широкими для нынешнего стиля, господствовавшего в моде. По крайней мере, мрачно думала Александра, это платье все еще ей впору.

– У вас прекрасное платье, – сказал сквайр, смущенно прокашлявшись.

Он что, прочитал ее мысли? Неужели видел ее насквозь? Александра заставила себя улыбнуться спутнику. Глаза Денни по-прежнему светились явным интересом, когда он приехал, чтобы забрать их из поместья и сопроводить в Херрингтон-Холл. Александра не питала иллюзий по поводу того, что хорошо выглядит: лицо было бледным от бессонной ночи, проведенной в работе по переделке одежды сестер, под глазами залегли темные круги. Судя по всему, Денни просто этого не заметил. Возможно, не увидел он и того, каким поношенным – и, разумеется, старомодным – было на самом деле ее платье.

Оливия взяла Александру за руку. Глаза средней сестры искрились радостным волнением, которое обычно она приберегала для своих картин и набросков. Оливия никогда еще не выглядела столь привлекательно. Ее длинные рыже-красные волосы были завиты и красиво уложены, фигуру облегало одно из бальных платьев матери из светлой, цвета слоновой кости ткани. Сестры переглянулись. Как же Александра ею гордилась!

– Ты действительно выглядишь прекрасно, – прошептала Оливия.

Александра сжала ее руку.

– Точно так же, как и ты – и как Кори. Нас ждет восхитительный вечер, а все благодаря сквайру.

Денни радостно улыбнулся:

– Надеюсь, что вы действительно насладитесь балом.

Александра бросила взгляд на Кори. Она во все глаза смотрела на выходящих из карет гостей, ее щеки горели от волнения. Кори была почти такой же высокой, как Александра, но немного стройнее старшей сестры, поэтому бледно-голубое платье из муара сидело на ней просто изумительно. В этом наряде она выглядела слишком взрослой для своих шестнадцати, но в гардеробе Александры не нашлось ничего более подходящего. Кори можно было дать по крайней мере лет восемнадцать, она была потрясающе красива.

Сердце Александры пронзила острая боль. Кори и Оливии никогда прежде не доводилось бывать в свете, присутствовать на подобных приемах – и, хотя она не хотела никого винить, одного человека все же можно было упрекнуть за их незавидную участь. Александра с горечью думала о том, что отец давно уже не был самим собой. Смерть Элизабет Болтон буквально сокрушила его, не оставив никаких чувств, кроме страсти к выпивке и азартным играм, и никакой силы духа, чтобы противостоять пагубным увлечениям. Впрочем, какое это теперь имело значение? Ее сестры заслуживают лучшей доли, и, возможно, этот вечер принесет им что-нибудь достойное, многообещающее. Всем этим элегантным джентльменам нужно быть просто слепыми, чтобы не заметить их!

Неожиданно где-то совсем рядом раздался такой оглушительный топот копыт, словно приближалась целая армия. Уже почти подошла очередь Денни и его сопровождающих выходить из экипажа, но Александра помедлила и оберну-

лась на громкий звук, точно так же, как ее сестры, сквайр и Эджмонт. Огромная черная карета, запряженная шестеркой великолепных вороных, с красно-золотым фамильным гербом на дверцах, промчалась мимо них, явно направляясь к самому началу вереницы экипажей. Гравий из-под копыт лошадей осыпал повозку сквайра.

Александра взглянула на богато одетых лакеев, облаченных в красно-золотистые ливреи, светлые чулки и лакированные туфли; на головах слуг красовались длинные, завитые белые парики. И снова коварное волнение наполнило ее душу. Александра вспомнила те времена, когда была жива Элизабет Болтон – мать несколько раз брала ее с собой на подобные светские приемы. Беспокоиться теперь было просто глупо. Неужели кого-то действительно взволнует их внезапное появление в обществе? Или то, что на них старомодные платья? И все же Александра волновалась, и совсем не из-за себя. Она не хотела, чтобы сегодня вечером ее сестер подняли на смех.

Огромная карета остановилась, но Александре не удалось как следует разглядеть, кто же оттуда вышел. Она заметила лишь высокую темную фигуру, которая прошагала через толпу в обход вереницы гостей и направилась напрямик в дом.

Странно, но сердце Александры отчего-то гулко стукнуло, и она обернулась к своим попутчикам.

– А вот и наша очередь выходить! – объявил Денни.

Кучер распахнул дверь кареты, и сквайр выбрался наружу.

Отец собрался последовать за ним и уже был готов сойти на обочину. «Он не должен испортить сегодняшний вечер!» – вдруг пронеслось в голове Александры. Эджмонту нельзя было доверять. Полная решимости, она подалась вперед и оказалась лицом к лицу с отцом.

– Я прошу, чтобы ты не перебирал с алкоголем сегодня вечером.

Его глаза чуть не вылезли из орбит от изумления.

– Ты не можешь говорить со мной подобным тоном, Александра! – грозно бросил он.

Но старшая дочь твердо стояла на своем. Единственной вещью, которой она могла управлять – или, по крайней мере, хоть как-то контролировать, – была безудержная тяга отца к выпивке.

– Я вижу флягу в твоём кармане. Могу я ее забрать?

Эджмонт покраснел как рак и пристально взглянул на нее.

Александра протянула руку и вымученно улыбнулась.

– Ты ведь хочешь, чтобы я вышла замуж за сквайра Денни? Этому вряд ли поспособствует пьянство на его глазах. И что более важно, как в таком случае Кори и Оливия смогут привлечь ухажеров сегодня вечером? Очевидно, что мы находимся в бедственном финансовом положении, а это означает, что твое поведение должно быть безупречным.

Ворча что-то себе под нос, Эджмонт вытащил из кармана потускневшую от времени серебряную флягу и перед тем,

как расстаться с ней, успел сделать большой глоток.

– Отец! – упрекнула Александра.

– С каждым днем ты все больше напоминаешь мне свою мать, – пробурчал он, отдавая дочери флягу.

Александра сняла с нее крышку и выплеснула содержимое фляги за окно. Потом переглянулась с сестрами.

– Наша очередь выходить.

Кори сначала мертвенно побледнела, потом покраснела.

– У тебя все получится, – одобрительно прошептала Александра. Потом оперлась на руку кучера Денни – у сквайра, ясное дело, не было лакеев в ливреях – и спустилась на тротуар. Сестры последовали за ней.

Оливия подошла ближе и зашептала:

– О чем это ты говорила? Мы здесь не для того, чтобы привлекать ухажеров! Да и как мы можем на это рассчитывать? Все знают, в какой ужасной нищете мы живем.

Александра улыбнулась сестре:

– Попад сюда сегодня вечером, я не могу не мечтать о лучшей участи – не для себя самой, для тебя и Кори. Раньше отец с матерью часто бывали на балах. У тебя должна быть именно такая жизнь, Оливия. Точно так же, как и у Кори.

– Мы-то в порядке, – не унималась Оливия. – И прямо сейчас единственная задача, на которой мы все должны сосредоточиться, заключается в том, чтобы уберечь тебя от нежеланной помолвки.

Александра состроила предостерегающую гримасу, глаза-

ми показав на стоявшего неподалеку сквайра, но он, к счастью, не слышал их разговор.

– Мое решение остается неизменным. Я очень довольна, что сквайр оказывает мне знаки внимания, – прошептала она в ответ.

– Может быть, сегодня вечером ты встретишь здесь другого мужчину, – настаивала Оливия. Она никогда не отличалась боевитым настроением, но, если чего-то страстно хотела, становилась твердой, как сталь. Так было всегда. Оливия казалась столь добродушной, что мало кто догадывался об этой черте ее характера.

– Я нервничаю, – вдруг огорошила признанием Кори, прерывая их разговор. – Волнуюсь так сильно, что у меня болит голова. К тому же те мужчины уставились на нас.

«Кори никогда прежде не подводили нервы», – подумала Александра и, взглянув в направлении, указанном сестрой, заметила трех джентльменов. Они стояли у распахнутых парадных дверей, там, где швейцары встречали и провожали в дом остальных гостей. Джентльмены были примерно в возрасте Александры, и они явно разглядывали ее с сестрами. Один из джентльменов улыбнулся и коснулся своего цилиндра, его восхищенный взгляд сосредоточился на самой младшей сестре.

Александра просияла в ответ.

– Он улыбался тебе, – сказала она Кори. – И в этом нет ничего постыдного или непристойного.

– Он улыбался Оливии, – тут же парировала Кори, стараясь казаться безразличной, но все-таки покраснела до корней волос.

Александра взяла ее за руку, напоминая себе о том, какой все-таки юной была сестра. Дома Кори могла вести себя безрассудно и своенравно, но теперь, на людях, она была вне себя от волнения, и Александра не могла упрекать ее в этом. Напротив, старшая сестра думала о том, что Кори не переживала бы так, имей она ту жизнь, для которой, в сущности, и родилась. И несмотря на то, что брак Александры со сквайром не дал бы сестре подобной роскошной жизни, это все равно был бы явный шаг наверх.

Денни обернулся, жестом позвав сестер присоединиться к нему. Все трое поспешили подойти к сквайру и направились к дому за остальными приглашенными. Прежде Александре уже доводилось бывать в Херрингтон-Холл: один раз с матерью, а потом, после смерти Элизабет, еще два раза, уже с сестрами. Леди Бланш всегда тепло принимала их, даже после того, как семья Эджмонт упала в глазах светского общества, – последний визит в это роскошное поместье датировался прошлым годом.

Холл особняка по размерам в два раза превышал их столовую. Остановившись у порога, Александра увидела хозяев вечера, леди Бланш и сэра Рекса, который давным-давно потерял ногу на войне и теперь опирался на костыль. Но это не имело ровным счетом никакого значения. Пара, привет-

ствовавшая гостей, выглядела просто потрясающе: она, светлая и красивая, и он, темный и мрачно-привлекательный. Рядом с ними стояла именинница, Сара – восхитительная, сверкающая драгоценностями и великолепно одетая брюнетка. Внимательно рассматривая виновницу торжества, Александра почувствовала острый укол зависти – не из-за себя, конечно, а из-за сестер.

И вдруг она почувствовала, что их заметили.

Александра вздрогнула от напряженности, буквально повисшей в воздухе, и огляделась. Леди Льюис смотрела на нее с такой ненавистью, будто желала ей смерти. Но это было просто невозможно, не так ли? В конце концов, леди Льюис была одной из лучших ее клиенток. Стоявшая рядом с леди Льюис женщина поспешила отвернуться, когда заметила, что Александра смотрит на нее, но тут же начала перешептываться с двумя другими дамами. Александра поняла, что гости обсуждают ее.

Сквайр поприветствовал нескольких джентльменов, пройдя вперед. Александра обернулась к сестрам, смущенная и встревоженная.

– Вы это видели?

Оливия с недоумением взглянула на нее:

– Почему она так на нас смотрит?

Александра глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. И в тот же миг заметила в другом конце зала леди Хенредон, а потом и леди Босли... О чем она только думала? Брала ведь

заказы на шитье у всех этих женщин, а служанке – или швее, что в принципе почти одно и то же, – было просто непозволительно появляться в обществе тех, кто стоял на более высокой ступени социальной лестницы!

Внутри у Александры все в панике сжалось. Она обернулась – и сразу наткнулась на подплывшую к ней леди Льюис.

– Александра, какой сюрприз! А я и не узнала вас в этом платье!

Не в состоянии выдавить из себя даже жалкую улыбку, Александра почувствовала, как сестры подошли к ней вплотную, встав по бокам.

Леди Льюис окинула эту троицу презрительным взглядом:

– В этих нарядах я не узнаю ни одну из вас.

От явной колкости сердце Александры перевернулось в груди.

– Это не слишком любезно с вашей стороны.

Леди Льюис удивленно вскинула бровь:

– Я совсем не имела в виду, что привыкла видеть вас в лохмотьях – и за подгонкой моей одежды.

Кори задохнулась от возмущения. Пытаясь успокоить младшую сестру, Оливия взяла ее за руку.

Александра наконец-то заставила себя улыбнуться. Ах, как бы она хотела сейчас взорваться, разразиться гневной тирадой в адрес этой высокомерной дамы! Увы, заказы леди Льюис были для нее чрезвычайно важны – по крайней мере, пока.

– Нет, разумеется, вы не говорили ничего подобного, приношу вам свои извинения. Вы никогда не сказали бы ничего столь бесстыдного. Я нисколько не сомневаюсь в этом.

– Завтра моя служанка привезет вам платье, которое сейчас мне. Его нужно хорошенько отчистить и прогладить, – свысока бросила леди Льюис и, раздраженно фыркнув, удалилась прочь.

Александра задрожала.

– Вот ведьма! – воскликнула Кори. – Даже не думай чистить и гладить это ее платье!

– Разумеется, я сделаю именно это. – Александра старалась говорить спокойно, хотя в душе бушевала настоящая буря. Виски теперь яростно стучали. Александра и без того чувствовала себя измученной бессонной ночью, и это жестокое столкновение с клиенткой совсем лишило ее сил. Она огляделась в надежде хотя бы ненадолго присесть.

– Мисс Болтон, могу ли я представить вас моему хорошему другу, сквайру Лэндону? – некстати окликнул Александру вернувшийся Денни. Он улыбался и явно пребывал в хорошем расположении духа. – Джордж, это мисс Болтон и две ее сестры, Оливия и Кори. С Эджмонтом ты, разумеется, знаком.

Александра заметила, что отец присоединился к сквайрам, и заставила себя улыбнуться новому знакомому, пожелав ему приятного вечера. Когда Лэндон стал спрашивать Денни о быке, которого тот недавно купил, она услышала за

спиной женский шепот:

– Какой позор... напивается каждую ночь... проигрывается в пух и прах... его дочери...

Александра почувствовала, как вспыхнули ее щеки, и вся превратилась в слух, пытаясь точнее уловить, о чем говорила женщина, но суть и без того была ясна. Ее отец ведет себя позорно, и все присутствующие здесь отлично знают это.

А Кори между тем не замечала ничего вокруг – ее распахнутые от изумления и любопытства глаза пристально следили за всем происходящим, абсолютно за каждым гостем. Александра взглянула на Оливию, которая смотрела на странно знакомого блондина. Старшая сестра не думала, что знала этого мужчину, однако ее не покидало чувство, будто они были знакомы. Александра глубоко вздохнула. Возможно, худшее уже позади.

Едва подумав об этом, Александра заметила трех женщин в возрасте, которые, не стесняясь, разглядывали ее с сестрами, и поняла, что эта пытка все же не окончена. Дамы шептались, прикрываясь руками в перчатках, и Александра ни капли не сомневалась в том, что они обсуждали ее саму, сестер или отца. Вздвогнув, Александра обернулась к родным:

– Отец, ты знаешь тех леди?

Он бросил взгляд через плечо и на мгновение задумался.

– Насколько я помню, давным-давно эти леди были подругами вашей матери. Леди Коллинз была ей особенно близка. Боже, кажется, прошла уже целая вечность! Как ни странно,

выглядит она просто превосходно.

– Кажется, эта леди настроена не слишком дружелюбно, – заметила Оливия. – Она смотрит с такой злостью, будто мечет в нас кинжалы.

– Этого просто не может быть! Она была так дружелюбна и мила с Элизабет! Пойдемте поздороваемся.

Александра поспешила возразить:

– Мы еще не поприветствовали хозяев вечера.

– Перед нами еще дюжина человек, – упорствовал Эджмонт. – Да и сквайр Денни поглощен общением со своим другом. Леди Коллинз!

И он поспешил к старой знакомой.

Неохотно, обмениваясь хмурыми взглядами с сестрами, Александра последовала за отцом. Лицо леди Коллинз было холодным как лед.

– Рад видеть вас снова, – шаркнул ножкой барон.

Она кивнула:

– Здравствуйте, Эджмонт. Не ожидала встретить вас здесь.

– И я сам удивлен, что оказался тут, – бесхитростно, с радостью отозвался он. – Помните моих дочерей?

Александра высоко вскинула голову, когда леди Коллинз усомнилась в том, что они когда-либо встречались. Женщины обменялись вежливыми рукопожатиями.

– Наслаждайтесь приятным вечером, – бросила леди Коллинз и отошла, даже не пытаясь скрыть своего горячего же-

лания отделаться от них как можно быстрее.

Эджмонт покраснел от досады:

– Ей-богу, она изменилась!

– Это было ошибкой – разговаривать с ней, – тихо сказала Александра. – Я теперь – швея, работаю на полдюжины этих женщин. И они возмущаются тем, что я нахожусь здесь.

– Ты имеешь на это полное право! Ты пришла в компании сквайра Денни, и леди Херрингтон будет рада видеть тебя.

Обернувшись, Александра взглянула на сестер, которые теперь выглядели смущенными и донельзя взволнованными. Она пожалела, что говорила с отцом так открыто. Тут, прямо над головами сестер, Александра увидела своего сопровождающего. Денни улыбнулся ей и жестом дал понять, что вернется к ним, как только потребуется. Сейчас сквайр был окружен джентльменами. Очевидно, его любили и ценили все вокруг.

Перед ними, желая поздороваться со встречавшими гостей хозяевами дома, стояли всего три пары. Внутри у Александры снова все томительно сжалось и заболело. Голова буквально раскалывалась. И о чем она только думала, когда решила выйти в свет с Оливией и Кори? Александра задумчиво слушала, как стоявшая впереди матрона без умолку твердила о том, как прекрасна Сара – как она красива, элегантна, благородна... Все это было правдой. Естественно, у Сары де Уоренн, довольно привлекательной молодой леди, просто не было недостатков.

– Брошенка, – вдруг донеслось до Александры.

Она обернулась и увидела, что женщина, сказавшая это, безжалостно смотрит на нее. Если бы взглядом можно было убить, Александра давно превратилась бы в крошечное пятнышко и растаяла. Она наострила уши, пытаясь разобрать, о чем это женщина говорила своей спутнице.

– У алтаря? – задохнулась от любопытства подруга, взирая на Александру с каким-то злобным наслаждением.

– Да, ее бросили прямо у алтаря. Теперь я хорошенько припоминаю этот момент. – Первая злобная леди посмотрела на Александру и торжествующе улыбнулась. – Она получила то, что заслужила. Сент-Джеймс образумился – и женился на приличной титулованной девушке из хорошей семьи.

Ошеломленная, Александра повернулась спиной к двум почтенным на вид дамам-сплетницам.

Оливия взволнованно зашептала:

– Не могу поверить, я правильно все поняла? Те две леди говорят о том, что Оуэн тебя бросил?

Из всего, что довелось вынести Александре до этого мгновения, сильнее всего ранила ложь – и осознание того, что сестра тоже все слышала.

– Это уже не важно, Оливия, – промолвила Александра, чувствуя себя теперь странно ослабевшей. Она осознала, что слишком измучена, чтобы задерживаться на балу по случаю дня рождения Сары. Александра снова огляделась в надежде

присесть. Все стулья были составлены у входа в холл, многие из них уже разобрали. Но сейчас перед ними оставались лишь две пары: нужно было любой ценой довести дело до конца, поприветствовать хозяев.

Александра дотронулась до пульсирующих висков. Будь она дома, улеглась бы сейчас в постель, приложив ко лбу пузырь со льдом.

– Почему любому позволено говорить подобные вещи, ведь это же явная ложь? – настаивала Оливия уже более спокойным тоном.

Александре удалось сохранить внешнюю невозмутимость.

– Я уверена, эта ложь была ненарочной. Несомненно, они что-то напутали, вспоминая прошлое, только и всего. Просто убеждена, что те леди случайно допустили невинную ошибку, – отозвалась она, хотя в душе ни капли не верила в то, что говорила.

– Слухи напоминают пожар, – заметила Оливия. – Стоит начаться, как тут же выходит из-под контроля.

– Думаю, здешние леди полны ненависти, – поддакнула Кори.

В висках Александры теперь пульсировало нестерпимо, мучительно. Она приобняла Кори:

– Никто не питает к нам ненависти. Кроме того, нам не стоит подслушивать.

– Они хотели, чтобы мы слышали это, – упрямо бросила

Кори, отшатнувшись от старшей сестры.

– Почему бы нам не переменить тему? Мы приехали сюда, чтобы наслаждаться вечером, – предложила Александра.

– Как же мы можем наслаждаться вечером после всего этого? – осведомилась Оливия, явно обеспокоенная нелепыми сплетнями. – Впрочем, это даже к лучшему: небольшой скандал мог бы обратить сквайра Денни в бегство.

У Александры сдавило горло, отчаяние, казалось, накрыло ее с головой. Она почти не спала несколько дней, увязнув в трясине стресса и тревоги с тех самых пор, как отец сделал свое ужасающее, отвратительное объявление по поводу ее скорого замужества. Прошлой ночью Александра работала до изнеможения, пока не онемели кончики пальцев. И сейчас она вдруг поняла, что независимо от того, как близко стояла к началу очереди гостей, ей нужно немедленно присесть. Она чувствовала себя нехорошо – сказать по правде, просто ужасно.

Комната закружилась перед глазами. Яркие огни зала стали приглушенными и начали стремительно меркнуть.

«Нет, я не упаду в обморок! – пронеслось в голове пришедшей в ужас Александры. – Если я потеряю сознание, это даст пищу для новых сплетен».

Но, вопреки ее желанию, пол под ногами неожиданно накренился.

Не в силах удержаться на ногах, Александра резко покачнулась, врезавшись в крепкое мужское тело – и чья-то силь-

ная рука обвилась вокруг нее. На какое-то мгновение Александру охватили подзабытые, томительные ощущения, ведь подобной мужественности она не чувствовала вот уже почти десять лет. Гулко стукнув, сердце остановилось, чтобы в следующий миг безудержно забиться. Сильный и мускулистый, спаситель окутывал Александру теплом. Задышавшись от волнения, она беспомощно подняла взор...

И обнаружила, что смотрит в самые пронизательные – и самые прекрасные – синие глаза, которые когда-либо встречала.

Незнакомец обратился к ней с абсолютным спокойствием:

– Разрешите мне помочь вам добраться до стула.

Александра хотела ответить, она действительно пыталась сказать хоть что-нибудь, но слова отказывались выстраиваться в предложения. Ей оставалось лишь вглядываться в потрясающей красоты лицо незнакомца: в обрамленные длинными ресницами глаза, которые теперь смотрели расслабленно и чувственно, прямые аристократические линии идеально вылепленного носа, четко очерченные высокие скулы. Александра просто не могла дышать. Этот мужчина выглядел потрясающе, и она слишком долго находилась в его крепких объятиях.

Тело Александры чутко реагировало на присутствие незнакомца. Оно волнительно напряглось, сердце опять громко ухнуло. Вожделение мгновенно заполнило ее, тело

с такой силой откликалось на близость этого мужчины, что воздуха вдруг перестало хватать.

А спаситель не отрываясь смотрел на Александру. Уголки его губ немного приподнялись. Но это выражение никоим образом не означало улыбку.

– Я могу проводить вас до стула? – снова предложил он.

Тон незнакомца был настолько обольстительным, что страстное желание с новой силой нахлынуло на Александру. Она в волнении облизнула губы. Бедняжка давным-давно забыла, как флиртовать, поэтому решила даже и не пытаться заигрывать, сосредоточив все свои усилия на том, чтобы снова обрести дар речи.

– Вы очень добры, – наконец-то сумела вымолвить она.

Твердая линия рта мужчины еще немного смягчилась.

– Обо мне сказано немало, но полагаю, еще никто прежде не называл меня добрым.

Рука спасителя по-прежнему обвивалась вокруг нее. И Александра осознала, что, в сущности, находится в его объятиях.

– В таком случае на вас явно клеветают, сэр.

Это замечание, казалось, позабавило незнакомца, но он сдержал улыбку, в которой уже были готовы расплыться его губы.

– Клеветников вокруг меня много, – согласился мужчина. – Но правда заключается в том, что доброта не имеет никакого отношения к спасению красивой женщины.

Александра вспыхнула от смущения, словно была совсем еще юной леди.

Незнакомец вопросительно приподнял бровь:

– Пойдемте?

И прежде чем Александра успела хотя бы кивнуть, он повел ее через толпу, которая расступилась перед ними, будто по команде. Неожиданно рядом оказался обитый красным бархатом стул. Александра смутно улавливала шепот, раздававшийся за их спинами, но не могла разобрать ни слова, даже не пыталась уловить смысл речей: это было бесполезно, ведь громкое биение ее собственного сердца заглушало все вокруг.

– Как же мне не хочется покидать вас! – с нежностью сказал спаситель.

Она почувствовала, как снова залилась краской.

– Боюсь... иного выбора нет.

– Отнюдь, вариантов много, – тихо заметил он, помогая ей сесть на стул.

Красавец мог бы с полным правом отпустить обессиленную девушку, но Александра чувствовала, как крепко он обнимал ее вплоть до того момента, пока она не опустилась на роскошный мягкий стул. И даже после того, как Александра уселась, большая сильная ладонь незнакомца оставалась на ее талии, а другая рука поддерживала спину. Она почувствовала, как напряглись его пальцы.

– Благодарю вас за это краткое удовольствие побыть в ва-

шей компании, – произнес спаситель.

Слишком взволнованная, Александра не могла придумать, что ответить. И что еще хуже, она никак не могла отвести взгляд от его теплых, горящих явным интересом глаз. Он флиртовал! Александра была поражена.

Мужчина наконец-то отпустил ее, выпрямился в полный рост – в голове Александры мелькнула смутная мысль о том, что он высок, более шести футов, – и, поклонившись, зашагал прочь.

Александра так и застыла на стуле, ошеломленная произошедшим. А потом, когда примчались встревоженные сестры и окружили ее, бросившись на колени рядом, она опомнилась и почувствовала, как громко стучит сердце, как горячо пульсирует тело. Почувствовала – и осознала, что полностью уничтожена этой неожиданной встречей. Что же это был за мужчина?..

– Вы знаете, кто это? – взволнованно спросила Кори, словно услышав немой вопрос старшей сестры.

Александра подняла глаза и увидела, что почти все присутствующие в танцевальном зале уставились на нее и перешептываются, прикрывая рты.

– Нет, не знаю, – безвольно бросила она.

– Это герцог Клервудский, – с благоговением выдохнула Кори. – Я слышала, как кто-то сказал об этом.

Александра вжалась в сиденье стула. Она знала о герцогe все – точно так же, как все остальные вокруг. Клервуд

слыл образцом мужественности – богатый, титулованный, щедрый филантроп. В сущности, ни у кого не вызывало сомнений, что он был самым богатым аристократом королевства – и, возможно, самым могущественным. Кроме того, он был самым желанным холостяком Великобритании.

Тело Александры пронзила дрожь. А все потому, что самое важное, что было известно о герцоге абсолютно всем, это его репутация. Поговаривали, что Клервуд был холодным, бессердечным. Он отвергал самых лучших невест, которых только могла предложить Британия, снова и снова, уже более десяти лет, отказываясь выбирать себе суженую. Зато у герцога было много красивых любовниц. А заодно, по слухам, через все королевство за ним тянулся шлейф разбитых сердец.

Глава 3

Он не мог появиться ни на одном торжественном приеме, не будучи атакованным ластящимися леди и подобострастными джентльменами, которые надеялись привлечь его интерес и внимание. Мужчины добивались дружбы, и не потому, что он был приятным человеком, – просто ради его связей. Молодые леди мечтали о его руке и сердце или, по крайней мере, любовной интрижке, дамы постарше хотели устроить замужество своих дочерей или сестер. Однако прежде, чем ему достался высокий титул, он научился возводить огромную невидимую стену между собой и окружающими. Просто еще в те годы, когда он был мальчиком, сыном герцога и наследником, его по пятам преследовали подхалимы. С тех пор он значительно поднаторел в искусстве проходить через огромную толпу, не встречаясь ни с кем глазами. Когда кто-то осмеливался приблизиться, он либо терпел вторжение, либо указывал на недопустимость нарушения его личного пространства, либо просто направлял на наглеца такой испепеляющий взгляд, что тот немедленно обращался в бегство.

Теперь Стивен помедлил, чтобы оглянуться на высокую брюнетку, которая чуть не упала в обморок в его объятиях. Обычно его кровь не вскипала в жилах при первом взгляде на красивую женщину – для этого он был слишком опыт-

ным и слишком пресытившимся многочисленными романами. Но теперь его сердце колотилось, а кровь кипела.

Стивен чуть заметно улыбнулся самому себе.

Сейчас она была окружена несколькими женщинами, двумя джентльменами в возрасте, хозяевами дома и, очевидно, заверяла всех и каждого, что с ней все в порядке. Две молодые девушки, казалось, сильно тревожились за нее, из чего Стивен заключил, что это были родственницы или близкие подруги. Впрочем, он, похоже, заметил между ними едва уловимое сходство. Сестры?

Стивен продолжал смотреть на брюнетку, совершенно не заботясь тем, обратил ли кто-то внимание на его явный интерес. Она была необычно высокой для женщины и очень привлекательной. Черты ее лица были идеально правильными, прямо-таки совершенными. Стивен не назвал бы ее просто красивой, да и слово «статная» казалось мужским, недостаточно утонченным. Она была... потрясающей! Герцог вполне мог бы остановиться и на этой оценке, но он был заинтригован.

А прежде еще ни одной женщине не удавалось заинтриговать его так быстро.

Учитывая возраст брюнетки, он тут же предположил, что она наверняка обладала опытом в амурных делах. И поскольку незнакомка, очевидно, была бедна – ни одна леди со средствами никогда не надела бы такое старомодное платье, – герцог не видел ни одной причины, по которой они не мог-

ли бы достигнуть некоей взаимовыгодной договоренности. Шарлотта уже порядком ему надоела. Не говоря уже о том, что любовницы герцога никогда не пользовались его благосклонностью дольше нескольких месяцев.

– Только представьте, они посмели здесь появиться, какой позор! Вообразите: Александра Болтон штопает одежду леди Хенредон! Она зарабатывает на жизнь шитьем!

Стивен оглянулся через плечо на двух раскрасневшихся и негодующих светских дам – седовласую и медно-рыжую, а потом заметил, что его нынешняя любовница стоит прямо за ними. Голубые глаза Шарлотты тут же остановились на герцоге, и она улыбнулась.

Стивен вежливо кивнул даме сердца, несколько не озабо- тившись ее присутствием. Вместо этого он размышлял о том, что невольно подслушал: то, что Александра Болтон шьет для высшего класса, удивило его. Герцог не слышал ни об одной аристократке в стесненном материальном положении, которая согласилась бы на нечто подобное. Так или иначе, но это казалось ему достойным восхищения. Стивен не понимал и не разделял отвращения сливок общества к тому, что они презрительно именовали трудом. Сказать по правде, герцог Клервудский сам каждый божий день трудился засучив рукава – умственно, сидя за столом в своем кабинете, или физически, на одной из строительных площадок или в офисе благотворительного фонда.

– А Эджмонт был изгнан из нашего круга на многие годы.

Он ведь пьяница, — добавила рыжеволосая леди. — Не могу поверить, что леди Херрингтон позволила им войти в свой дом.

Две сплетницы удалились, все еще перешептываясь. Стивен слышал, как они бормотали что-то о мисс Болтон, которую бросили у алтаря, и о том, что она, несомненно, заслужила это. Он горько вздохнул. Что ж, стервятники слетелись на падаль. Временами герцог ненавидел светское общество, невзирая на то что сам стоял на его вершине. К тому же он всегда презирал слухи, особенно когда они основывались на злобе или невежестве. В данном конкретном случае Стивен подозревал, что сплетницы не знали о мисс Болтон почти ничего — но определенно желали ей самого плохого.

Герцог почувствовал к ней что-то вроде сострадания. Слишком хорошо он помнил — и никогда, ни за что не забыл бы — о том, как, будучи маленьким мальчиком, подслушивал слуг и гостей, обсуждавших его. Не то чтобы Стивена до сих пор волновало то, что его называли незаконнорожденным, но в детстве этот шепот вносил в душу смятение, причинял боль.

Стивен оглянулся на Александру Болтон. Эта брюнетка по-прежнему сидела на стуле, но стоило ему посмотреть в ее сторону, как она неожиданно, словно повинувшись невидимому сигналу, подняла глаза. Сердце герцога снова отчаянно заколотилось. Он не стал отводить взор, хотя и был безмерно удивлен собственной реакцией на уже не юную, хотя и

необычайно привлекательную небогатую леди в старом, поношенном платье. Кажется, до сего момента целую вечность его не мог взволновать простой взгляд на женщину.

– Добрый вечер, ваша светлость, – тихо окликнула герцога Шарлотта Уитт.

Стивен обернулся и поклонился. Вот уже несколько месяцев он наслаждался отношениями с леди Уитт. Шарлотта была белокурой, миниатюрной, впечатляюще красивой – и твердо настроенной удерживать его внимание любой ценой. Сказать по правде, даже полной решимости сделать это: ее горячее желание стать женой герцога день ото дня становилось все более явным.

«Что ж, как говорится, мечтать не вредно», – мысленно обратился к ней Стивен и ответил:

– Добрый вечер, леди Уитт. Сегодня вы просто восхитительны.

Она улыбнулась и, обрадованная комплиментом, присела в почтительном реверансе, потом посмотрела мимо него в направлении мисс Болтон.

– Это настоящая драма, ваша светлость! А я знаю, что вы привыкли избегать драм и прочих проявлений театральнойности.

Стивен бесстрастно взглянул на нее сверху вниз. Он действительно на дух не выносил разного рода «спектаклей».

– Значит, вы обвиняете мисс Болтон в том, что она намеренно привлекала мое внимание? Как несправедливо, ведь

мисс Болтон не слышит вас и не может защититься!

– Даже если она не собиралась выставять себя напоказ, ей повезло, не так ли? Потому что она на самом деле привлекла ваше внимание. – Шарлотта улыбнулась, но в ее голубых глазах мелькнула враждебность.

Стивен и ухом не повел. Шарлотта ревновала, и его это нисколько не удивляло. Впрочем, она была всего лишь любовницей, а он никогда не давал обещаний, которые не собирался выполнять. И разумеется, герцог не дал ни одного обещания Шарлотте.

– Я не настолько бессердечен, чтобы позволить деве в беде упасть в обморок прямо у моих ног.

– Я не имела в виду ничего подобного, – сказала она, явно озадаченная его реакцией. Потом расплылась в улыбке, осторожно оглянулась и подошла ближе. – Вы получили мою записку?

– Да, – отозвался Стивен.

Шарлотта хотела знать, состоится ли их свидание этим вечером, чуть позже. Он собирался было условиться о встрече, но тут снова посмотрел в сторону мисс Болтон, которая уже поднялась со стула и потягивала из фужера шампанское, улыбаясь одному из немолодых джентльменов. Взгляд герцога сфокусировался на этой компании. Спутник мисс Болтон, мужчина в возрасте, выглядел так, будто совсем потерял голову от любви.

– Вы знакомы с мисс Болтон?

Шарлотта с трудом сохранила улыбку на лице.

– Мне известно о ней, ваша светлость, но я с ней не знакома. Да и с какой стати? Она – швея. Ее отец – пьяница. Мы вращаемся в разных кругах.

Стивен пристально взглянул на нее:

– Мелочность едва ли вам к лицу.

Шарлотта вспыхнула:

– Покорнейше прошу прощения, ваша светлость.

И в этот момент Стивен понял, что с Шарлоттой Уитт отныне покончено.

– Мы встретимся сегодня ночью? – прошептала она.

Герцог нехотя улыбнулся:

– Только не сегодня.

У него не было ни малейшего желания хоть как-то объяснить Шарлотте свое решение. Она в ответ так соблазнительно надула губки, что большинство мужчин мгновенно бы передумали.

– Что ж, утешусь в объятиях Морфея, – сладко пропела красотка.

Стивен кивнул Шарлотте, и она наконец-то удалилась. Но прежде, чем герцогу удалось найти глазами свой новый объект внимания – мисс Болтон, к нему подошел Алексей:

– С тобой что-то не так?

– Со мной все в порядке. Я – идеал, пример для подражания, помнишь? – сказал Стивен, и Алексей засмеялся.

– Тогда почему ты избегаешь общества такой красивой

женщины, как леди Уитт? – осведомился Алексей и, посерьезнев, добавил: – О, подожди-ка, я знаю ответ! Она тебе наскучила.

Несмотря на то что прошлой ночью кузены на пару пропустили немало бокалов самого лучшего ирландского виски герцога, тема его семейного положения всплыла во второй раз.

– Пожалуйста, не нужно этих твоих нотаций о невероятных прелестях супружества!

Дружелюбная усмешка Алексея стала злорадной.

– Эти прелести будут невероятными только в том случае, если тебе повезет влюбиться.

– О боже, жена превратила тебя в волоокого слюнтяя-поэта!

– Ага, оскорбление! Тебе придется как следует заплатить за него! Ну что, устроим мальчишник и снова пропустим по стаканчику?

– И Элис позволит тебе выпасть из поля ее зрения?

– У меня свои методы убеждения, – ухмыльнулся Алексей.

Образ Александры Болтон вдруг пронзил сознание Стивена.

– Что ж, тогда встретимся в полночь.

– Приведу с собой Неда, если получится, – пообещал Алексей, вспомнив их общего кузена, сына нынешнего графа Адарского и главного наследника внушительного состо-

нения.

– А как насчет меня? – вдруг раздался рядом знакомый женский голос. – Или это проявление прирожденного мужского шовинизма?

Стивен обернулся, чтобы поприветствовать сестру Алексея, Ариэллу, теперь – леди Сен-Ксавье, которую тоже знал с детства. Сейчас она была без памяти влюблена в своего мужа и расцвела, превратившись в очень красивую женщину, хотя и оставалась высокообразованной и жадной до новых знаний – такой, какой Стивен знал ее много лет назад.

Брат и сестра сердечно обнялись.

– Ты права, это самое что ни на есть проявление прирожденного мужского шовинизма, – улыбнулся Алексей. – Тебе на наш мальчишник вход заказан, но мы приглашаем твоего мужа, Сен-Ксавье.

– Я еще подумаю, разрешить ли ему присоединиться к вам, – поддразнила Ариэлла, – тем более что сегодня ночью у меня есть на его счет более привлекательные планы.

Стивен поймал себя на том, что покраснел.

– Это не слишком похоже на вежливую благопристойную беседу, – мягко заметил он.

– Ненавижу благопристойные беседы, – пожала плечами Ариэлла, улыбнувшись ему. – На самом деле я только что вернулась с заседания народной организации по защите прав работников текстильной промышленности.

Она легонько ущипнула Стивена за щеку, словно он был

маленьким ребенком.

– Я знаю, ты обязательно пожертвуешь немного на нужды профсоюза. Кстати, я то и дело слышу странные слухи о вас, ваша светлость. Неужели вы вот-вот объявите о помолвке?

Герцог устался на кухню, не скрывая удивления:

– Разве ты не лучше других осведомлена о моих делах? Зачем слушать праздные сплетни?

– Я подумала, что все эти слухи неправдоподобны, но никто ведь не знает об этом наверняка, – согласилась Ариэлла, но тут же проницательно взглянула на него. – В твоём сердце кто-то есть, Стивен?

– В таком случае он обязательно признался бы мне, – вмешался Алексей. – Своему лучшему и, возможно, единственному другу.

А сам Стивен никак не мог отогнать от себя мысли об Александре Болтон, этой восхитительной женщине, которая умудрилась не растерять чувство собственного достоинства даже на грани обморока...

– По слухам, я уже много лет вот-вот объявляю о помолвке, – хладнокровно ответил он. – Люди просто выдают желаемое за действительное.

Алексей лишь злорадно рассмеялся в ответ:

– Ты так пялишься на ту брюнетку!

Стивен безразлично взглянул на друга:

– Я лишь беспокоюсь о её самочувствии, она чуть не упала в обморок.

– Вот как, неужели? – сдавленно захихикал Алексей. – И ей явно уже не восемнадцать – как удивительно!

Он бросил на кузена испепеляющий взгляд.

– Что это вы двое ссоритесь? – Герцог обернулся на голос Элис, и она бросилась ему на шею, крепко сжимая в объятиях. – Мы только что вернулись домой, Стивен. Почему ты споришь с моим мужем?

– Потому что он упрям до невозможности, и его мнения всегда ошибочны, – шутливо заметил герцог.

В детстве Элис была избалованной и задиристой, а еще настырной, склонной поважничать. Помнится, им часто надоедало поведение этой капризной девчонки, и они не брали ее с собой на прогулки. С тех пор Элис определенно изменилась: возможно, то, что Алексей когда-то бросил эту упрямцу прямо у алтаря, разлучившись с ней на целых пять лет, заставило серьезно задуматься и поработать над своим характером. Так или иначе, но теперь Стивен относился к ней с искренней любовью. К тому же вчера вечером Алексей поделился с ним потрясающей новостью: Элис ждала их первого ребенка.

– А ожидание пополнения тебе к лицу, как я посмотрю. – Стивен поцеловал ее в щеку. – Прими поздравления, моя дорогая.

Элис просияла счастливой улыбкой.

– Мне к лицу присутствие моего обожаемого мужа, и мое положение – одна из причин, заставивших нас вернуться до-

мой. Алекси скучал по тебе, да и я тоже. Но что я вижу? Вы уже препираетесь, как маленькие мальчики!

— У нас с Алекси вечные разногласия, — отозвался Стивен. — Кому об этом знать, как не тебе: ты ведь не раз присутствовала при наших перепалках, когда мы были мальчишками!

— И ни один из вас никогда не одерживал верх, — напомнила Элис кузенам, и ее фиалковые глаза стали строгими. — Итак, что же это была за женщина, лишившаяся чувств в твоих объятиях?

Прежде чем Стивен успел ответить, в разговор вклинилась Ариэлла.

— Это Александра Болтон. Ее мать была близкой подругой тети Бланш, — объяснила она, имея в виду леди Херрингтон. — С тех пор как мать мисс Болтон скончалась, их семья переживает не лучшие времена. Я не видела Александру много лет и теперь очень рада встретить ее с сестрами в добром здравии.

— Она что, вдова? — спросил Стивен, уже отметивший про себя, что на пальцах мисс Болтон не было ни одного кольца.

Обе женщины с удивлением посмотрели на него.

— Не думаю, что она когда-либо была замужем, — ответила Ариэлла, и ее бровь недоуменно приподнялась. — Впрочем, я не уверена в этом. Ты что, уже обдумываешь план очередного обольщения?

Герцог невозмутимо взглянул на кузину:

– Джентльмену не пристало трубить на всех углах о своих любовных связях.

– Даже думать об этом не смей! – тут же горячо возмутилась Ариэлла.

Стивен уже собрался сменить тему беседы, как позади них раздался мужской голос:

– Кого это тут собираются обольщать?

Стивен в изумлении обернулся, узнав голос брата Элис.

Он был дружен с Джеком О’Нилом, но не виделся с ним вот уже два года – О’Нил путешествовал по Америке.

– У Ариэллы пылкое воображение, или ты забыл? – улыбнулся Стивен.

Джек усмехнулся и подмигнул. Его кожа и волосы отливали золотистым, как у Элис, но глаза были серыми. От долгого пребывания на свежем воздухе он сильно загорел.

– О, мне никогда этого не забыть!

Ариэлла гневно фыркнула в ответ:

– Я лишь отговариваю Маубрея волочиться за женщиной, которую он спас от обморока! Так уж вышло, что я знакома с мисс Болтон и понимаю, что она – не для него. По крайней мере, если он не питает в ее отношении благородных намерений.

Собиравшийся сделать глоток шампанского Стивен поперхнулся.

– В самом деле? – рассмеялся Джек.

– Я лишь помог женщине не упасть в обморок! – возра-

зил Стивен. – Боже праведный, я задал один-единственный невинный вопрос, и вот уже меня обвиняют в самых худших намерениях!

Он холодно посмотрел на Ариэллу – и о чем это она так переживает? Александре Болтон явно было больше двадцати пяти, и женщина с такой потрясающей внешностью вряд ли могла пожаловаться на недостаток любовного опыта – это казалось просто невозможным!

– Что ж, будь я на твоём месте, с удовольствием бы признал, что мои намерения далеки от благородных – ну ни капельки не благородны! – решительно заявил Джек. – Та брюнетка весьма привлекательна, есть на что посмотреть. А, вот и ты, Элис, привет-привет! Я ревную. Выходит, ты больше рада видеть Стивена, всего-навсего друга, чем меня, своего родного брата?

Элис смотрела на него округлившимися от удивления глазами: до сего момента она и не догадывалась о том, что брат вернулся в страну.

– Ты не писал мне целый год, так что я с тобой не разговариваю, – сквозь зубы бросила она и, смерив Джека холодным взглядом, повернулась к нему спиной.

– Довольно трудно писать письма, когда тебя держат взаперти враждебные индейцы, причем так далеко от родного дома, – сказал Джек, которого явно озадачила реакция сестры. Он наклонился и сзади поцеловал ее в щеку. – Все равно я тебя люблю, и у меня есть для тебя подарок.

Потом он с чувством потряс руку Алексея:

– Поздравляю.

Тот усмехнулся и сообщил:

– Сегодня в полночь – мальчишник.

– Ни за что не пропущу, – отозвался Джек.

Элис резко обернулась к брату:

– Ты не купишь мое прощение каким-то там подарком!

– Но у меня есть колотая рана, которая способна подтвердить мои слова, – парировал он, глядя на Элис честными, невинными глазами. – К тому же грозный индеец из племени апачей выдрал у меня солидный клоч волос.

– Зачем ты отправился в эти американские дебри? – спросила Элис уже с тревогой, в один миг позабыв о своем гневе.

– А заслужить твое прощение оказалось довольно легко, – засмеялся Джек, приобнимая сестру.

На короткое мгновение Стивен будто перенесся в детство, почувствовав себя маленьким мальчиком, который когда-то стоял на пороге переполненной гостиной де Уореннов и ощущал себя единственным чужаком в этой комнате. Вскоре к компании присоединился Сен-Ксавье, в нескольких шагах от них стояли сэр Рекс и леди Бланш, которые вели неспешную беседу с Тайрелом де Уоренном, графом Адарским, и его прелестной пухленькой женой, Лизи. Стивен привык чувствовать себя посторонним. Было просто невозможно стоять среди огромного семейства де Уоренн, не осознавая и не сожалея, что не принадлежишь к нему до конца, – даже

несмотря на то, что и в жилах Стивена текла частичка их крови. Но он никогда не смог бы разделить с ними одно имя, и кровные узы считались семейной тайной, о которой общество никогда не должно было узнать. Горькая правда заключалась в том, что Стивену суждено было всю жизнь провести на «задворках» семьи, так и не став никогда ее настоящей частью.

Не то чтобы он возражал, и не то чтобы это имело какое-то значение. В конце концов, у каждого человека чести есть долг, и он – Клервуд.

Стивен отмахнулся от невеселых мыслей, подумав о прибывшем из Америки О'Ниле: он был убежден, что Джек нисколько не покривил душой, когда поведал о своих злоключениях в плену у индейцев и вырванных волосах, что, впрочем, нисколько не исключало умения приятеля ловко манипулировать своей сестрой Элис. Между тем толпа в холле рассеялась, большинство гостей теперь переместились в огромный танцевальный зал, которым так славился Херрингтон-Холл. Стивен окинул пристальным взглядом комнату, но не заметил недавнего объекта своего интереса. Вместо этого в дальнем углу холла он увидел только что прибывших Синклеров. На днях лорд Синклер прошупывал почву по поводу возможной женитьбы Стивена на своей дочери, славящейся исключительной красотой. Сейчас юная Энн была втиснута между своими родителями, она казалась такой потрясающей, такой прекрасной, что стоило им войти, как

все головы будто по команде повернулись в ее сторону. На сей раз кровь Стивена не вскипела в жилах, хотя ему и пришлось спешно ослабить свой галстук. Он не отвадил Синклера с его предложением напрямую: Энн обладала всеми необходимыми для подобающей невесты качествами – по крайней мере, теоретически, – так что герцог обещал обдумать возможность подобного брачного союза.

Энн было всего восемнадцать. Эта девушка стала бы кроткой, послушной и желающей угодить супругой, у нее не было бы собственного мнения, и она превратилась бы в великолепную герцогиню.

– Почему ты хмуришься? – спросил Алексей.

– Я – хмурюсь? – Стивен безразлично улыбнулся. Он знал, что заскучал бы в компании этой Энн, прежде чем они добрались до алтаря, и на этом все закончилось бы.

– Кто это? О, подожди-ка, не торопись объяснять – я знаю ответ.

– Энн Синклер. Ее отец предложил мне устроить брак.

– Такая пресная невеста тебе точно надоест.

– Только не говори мне, насколько увлекательны постоянные ссоры!

– Я умер бы от скуки, если бы Элис подчинялась каждой моей команде!

– Фактически она не подчиняется ни одной твоей команде, – не преминул заметить Стивен.

– И от этого я еще более счастлив!

– Я очень рад, что ты настолько опьянен любовью, однако лично я был бы невероятно несчастлив, если бы моя жена мне не подчинялась.

– Ах да, конечно, ваша светлость, – язвительно отреагировал Алексей. Он с отвращением покачал головой и понизил голос. – Ты можешь притворяться стариком, которого не волнуют чувства, но на самом деле ты не такой. И мы оба знаем, что ты никогда не будешь доволен унылым, безрадостным браком, устроенным по чужой указке, – из-за боязни чего-то подобного ты и избегал женитьбы на протяжении почти пятнадцати лет.

Стивен никак не мог избавиться от странного раздражения, а сейчас их разговор снова зашел в тупик.

– Увидимся позже на мальчишнике. Умоляю, давай отныне обсуждать твои дела, а не мои.

– Трус!

Только Алексей де Уоренн мог позволить себе столь дерзкую характеристику в отношении герцога, не опасаясь серьезных неприятностей со стороны последнего. Решив пропустить мимо ушей слова друга, Стивен зашагал по направлению к толпе гостей. У него были дела и поинтереснее нотаций кузена – а заодно и знакомства, которые требовалось поддерживать.

Сара была окружена толпой гостей и поклонников с тех самых пор, как появилась на приеме в честь своего дня рож-

дения. Стивен улыбнулся, рассматривая свою единокровную сестру с небольшого расстояния. Сара никогда не выглядела такой счастливой, и он был одновременно рад и горд за нее. Сестра была очень красивой девушкой, от своей матери она взяла привлекательную внешность и характер: Сару отличали те же доброта, застенчивость и нежность. Несмотря на то что Стивен знал сестру еще с ее младенчества – Сара родилась вскоре после того, как он унаследовал герцогство, – он не проводил с ней или с Мэрион так много времени, как ему бы хотелось, из-за ограничений, которые налагала на них семейная ситуация. В то время как большинство членов семьи де Уоренн знали правду о происхождении Стивена, его единокровным сестрам поведали об истинной природе их взаимоотношений всего два года назад. Взрослых с их скрытностью можно было понять: в конце концов, дети редко хранят секреты. До этого момента девочки считали Стивена лишь хорошим другом семьи.

Маубрей знал, что Сара стеснялась общаться с ним – словно он был взрослым родственником, который, к сожалению, нечасто баловал своими визитами. Кроме того, Стивен понимал, что сестра питает по отношению к нему прямо-таки благоговейный страх, и горячо желал быть ее братом открыто – но это, увы, было просто невозможно.

Сегодня вечером Сара просто сияла – так ярко, как и должна сиять девушка в свой шестнадцатый день рождения. Стивен наблюдал, как несколько молодых людей явно флир-

товали с ней, и ощущал гордость, желание заботиться, оберегать. Он знал, что всегда будет ее защитником, пусть даже и на расстоянии.

Стивен спокойно ждал своей очереди поприветствовать именинницу, но находившиеся перед ним мужчины и женщины поняли, какого масштаба персона стояла позади, и пропустили его в самое начало вереницы гостей. Сара застенчиво покраснела, когда лорд Монклер, который был намного старше ее, бросился рассыпаться в поздравлениях, и Стивен помедлил, чтобы, улыбнувшись, поздороваться с леди Херрингтон.

– Как поживаете, ваша светлость? – спросила Бланш Херрингтон, тепло сжимая обе его ладони.

Бланш была сердечна и добра к Стивену с момента самой первой их встречи, когда ему было девять лет. В свою очередь, Маубрей относился к леди Херрингтон с неподдельной симпатией, понимая, что ее глубокая, искренняя любовь к сэру Рексу распространяется и на него.

– Я от души наслаждаюсь вечером, как, очевидно, и Сара.

– Это правда, – с нежностью отозвалась Бланш. – Сара так переживала сегодня! Вы ведь знаете, какая она скромная! Дочь боялась, что не оправдает ожиданий гостей. К счастью, эти страхи не сбылись, и она замечательно проводит время.

Стивен взглянул на Сару, гадая, как же внушить ей больше уверенности в своих силах. Виновница торжества заметила его и тут же вышла вперед, покраснев от смущения.

– Ваша светлость, – прошептала она.

Еще давным-давно герцог решил, что подобное формальное обращение к нему со стороны единокровных сестер и брата не стоит рассматривать как нечто неловкое – такова была необходимость. Он взял ладони Сары в свои и произнес:

– Примите поздравления, моя дорогая. Вы просто восхитительны сегодня вечером, и, полагаю, бал проходит с большим успехом.

– Благодарю вас, ваша светлость, – застенчиво улыбнулась она. – Я так рада, что вы смогли присутствовать здесь!

– Я никогда не пропустил бы ваш день рождения. Я оставил презент на столе для подарков в холле и надеюсь, он вам понравится.

– Я буду хранить этот подарок как сокровище, – серьезно пообещала Сара. – Потому что его преподнесли вы.

Стивен наклонился и поцеловал руку сестры. Он подарил Саре ожерелье с крупным кулоном из бриллианта в надежде на то, что она будет дорожить этим украшением всегда. В глубине души герцог растрогался, но прежде, чем выпрямиться, он заметил призрак Тома Маубрея, стоявшего рядом с Сарой. Облик завис в воздухе всего на мгновение, но Стивен успел заметить, что старик смеялся над его чувствами, словно считал сентиментальным глупцом.

Все тело Стивена болезненно напряглось. Даже при том, что Том давно ушел в мир иной и увиденное секунду назад

было даже не призраком, а лишь капризом памяти, в ушах настойчиво, четко, так, будто старый герцог был жив, стучало: «Твой долг – Клервуд, а не твои единокровные сестры и брат! И ты еще смеешь желать чего-то большего?..»

Но Стивен не желал ничего большего. Он просто любил свою сестру – и это был долг важнее всех остальных, вместе взятых.

Сэр Рекс отделился от группы гостей и обернулся к нему. Стивен знал, что ему повезло: родной отец был истинным человеком чести, и вот уже многие годы их связывала по-настоящему крепкая дружба.

– Сара будет визжать от восторга и падать в обморок, когда увидит ваш подарок? Надеюсь, его стоимость оказалась в пределах разумного, – сказал сэр Рекс, когда они обменялись рукопожатиями. – Как ваши дела, Стивен?

Сэр Рекс отказывался обращаться к нему в соответствии с герцогским титулом – «ваша светлость», – и, хотя это было странно, никто, казалось, не удивлялся на сей счет. Возможно, высшее общество просто привыкло к их близкому общению. Стивену была ненавистна сама мысль о том, что к нему вот так формально, по титулу, станет обращаться человек, благодаря которому он появился на свет, который в глубине души всегда желал ему самого лучшего и искренне переживал за него. Герцог уважал сэра Рекса и даже восхищался им многие годы, еще до того, как узнал правду о своем происхождении. Что же касается сэра Рекса, то он всегда

был к Стивену необычайно добр и внимателен. Оглядываясь назад, герцог понимал почему.

– Дела замечательно, в настоящее время, среди прочего, я поглощен заботами о проекте жилищного строительства в Манчестере.

Стивен занимался строительством жилья для рабочих-текстильщиков, это были дома с надлежащими освещением, вентиляцией и очистными сооружениями. Владельцы текстильных фабрик не были довольны планами Маубрея, но он не придавал этому значения: герцог считал, что они изменят свое мнение, когда осознают, что здоровые рабочие трудятся гораздо продуктивнее, чем больные.

– Вы уже завершили разработку проектов? – с явным интересом спросил сэр Рекс. Он неизменно горячо поддерживал все хорошие дела, которыми занимался Стивен.

– Нет, пока еще нет. Но я надеялся, что смогу показать эти проекты вам сразу после того, как они будут закончены.

Весьма довольный, сэр Рекс улыбнулся:

– Не сомневаюсь, что эти проекты сулят настоящий триумф, и я с нетерпением жду возможности ознакомиться с ними.

Сэр Рекс отличался от Тома Маубрея так сильно, как только может один человек быть непохожим на другого. Рекс де Уоренн верил в необходимость хвалить и поощрять, а никак не критиковать и обливать презрением. Стивен понимал, что ему давно пора привыкнуть к похвалам настоящего отца, но

никак не мог этого сделать. Лестные слова всегда немного удивляли его, заставляли чувствовать себя неловко – и каждый раз окутывали сердце теплотой.

– Не исключаю, что возникнет несколько спорных моментов, – поделился Стивен. – Существуют некоторые проблемные вопросы, которые еще требуют решения.

– Вы обязательно их решите – собственно, как и всегда. Я убежден в этом, – с улыбкой ободрил сэр Рекс.

– Благодарю вас. Надеюсь, смогу оправдать вашу уверенность, – ответил Стивен и увидел, как Рандольф, сын сэра Рекса – и его собственный единокровный брат, – вошел в танцевальный зал. Рандольф тут же заметил отца и брата и, улыбнувшись, направился к ним.

– Я рад, что вы стали наставником Рандольфа, – заметил сэр Рекс. – После возвращения из Дублина он только и делает, что говорит о ваших добрых делах.

– Рандольф настойчив, решителен, а еще он очень смышлен. Ему удалось обнаружить некоторые расхождения в бухгалтерских счетах дублинского отделения компании «Клервуд Хоум». Мне пришлось заменить там директора.

– Рандольф мне говорил. Он изумительно управляется с цифрами. Этот талант ему достался явно не от меня!

Рандольфу не исполнилось еще и двадцати, но он уже был смуглым и необычайно привлекательным, являя собой почти полную копию отца, за исключением разве что волос золотистого оттенка. Рандольф твердо верил в себя, и это

выражалось даже в его размашистой, уверенной походке – немало юных дебютанток бала буквально пожирали глазами сына сэра Рекса, когда он проходил мимо. Усмехнувшись, он остановился рядом с отцом и братом.

– Добрый вечер, отец... Ваша светлость.

– Опаздываешь, – мягко пожурил Стивен.

Щеки Рандольфа горели румянцем, вид у него был весьма самодовольным, и Стивен чертовски хорошо понимал почему.

– Вы не единственный, кто спас деву в беде сегодня вечером, – похвастался Рандольф.

– Ты подхватишь какую-нибудь ужасную болезнь, – предупредил Стивен, искреннее встревоженный любовными похождениями брата. – Кроме того, не стоит открыто говорить о своих победах на амурном фронте.

Оживление Рандольфа немного померкло.

– Я и не думал опаздывать. Просто время для меня словно остановилось. – И он все-таки снова захихикал.

– Разумеется, ты и не думал опаздывать. Ты не думал четко и ясно – сомневаюсь, что думал вообще. Это день рождения Сары, Рандольф! – Стивен надеялся, что его слова прозвучали не слишком резко, но брата нужно было хорошенько встряхнуть. Рандольф часто вел себя безрассудно, и герцога это беспокоило.

Парень опять вспыхнул до корней волос.

– Я принесу свои извинения Саре. – Рандольф бросил

взгляд на сестру, его глаза восторженно распахнулись, и он воскликнул: – Да ты превратилась в настоящую красавицу!

Поведение Рандольфа позабавило Стивена, да и сэр Рекс усмехнулся. Когда молодой человек поспешил к сестре, де Уоренн промолвил:

– Я говорил с ним много-много раз, но боюсь, у этого юнца в одно ухо влетает, а в другое вылетает.

– Рандольф заверил меня, что ведет себя осмотрительно и благоразумно, – успокоил Стивен.

– Благодарю вас, – вздохнул сэр Рекс. – Не могу припомнить ни одного мужчины из рода де Уоренн, который не был бы скандально известен своими многочисленными романами – до того момента, пока не становился женатым человеком.

И сэр Рекс выразительно посмотрел на внебрачного сына.

– Тогда получается, что Рандольф следует семейной традиции, – заметил Стивен. И тут же отвернулся от отца, почувствовав неловкость при мысли о том, сможет ли он сам когда-нибудь стать доказательством этого правила. В некотором смысле Стивен надеялся, что нет. Для холостяка его бесчисленные любовные связи казались чем-то само собой разумеющимся.

В этот момент Стивен вдруг увидел Эджмонта, спешно пробиравшегося через толпу на нетвердых ногах, и тут же понял, что отец Александры мертвецки пьян. Герцог беспокойно огляделся вокруг, но мисс Болтон в поле зрения не

было. Зато он заметил вдовствующую герцогиню Клервудскую, которая входила в танцевальный зал, причем не одна.

Тот факт, что мать прибыла на подобный прием в сопровождении, не был чем-то из ряда вон выходящим, но Стивен мгновенно понял, что это появление в свете было не самым обычным. Ее держал под руку высокий смуглый мужчина, отличавшийся весьма впечатляющей, мужественной наружностью. А мать, как моментально заметил Стивен, вся светилась – словно была влюблена.

– Кто это сопровождает герцогиню-вдову сегодня вечером? – резко поинтересовался он у сэра Рекса.

– Насколько я знаю, его зовут Тайн Джефферсон, он – хозяин ранчо из Калифорнии.

– Вы уверены? – Стивен был ошеломлен. Неужели его мать заинтересовал владелец ранчо? – Он что, богат? Из хорошей семьи? Выглядит скорее дикарем.

– Вам стоит успокоиться. Джулия – сильная, здравомыслящая женщина. Охотники за приданым вились вокруг нее долгие годы, и она ускользнула от каждого из них.

– Так вы считаете, что этот Джефферсон – охотник за приданым? – ужаснулся Стивен.

– Нет, я так не думаю. Если не ошибаюсь, у него какие-то дела с вашим дядей, Клиффом.

– У мужчин возраста этого Джефферсона всегда есть вторые или третьи жены... вдвое моложе их. Он женат?

– Я – в его летах, и моя жена – моего возраста, – спокой-

но напомнил сэр Рекс. В голосе де Уоренна слышались ироничные нотки, и Маубрей бросил в его сторону резкий взгляд. — Я слышал, что он — холостяк, Стивен.

— Полагаю, нам стоит надлежащим образом представиться друг другу, — задумчиво произнес Маубрей. Вдовствующая герцогиня была очень богатой женщиной, и он нес ответственность за мать. — Прошу меня извинить.

А Джулия уже прогуливалась по танцевальному залу под руку с американцем. Овладев искусством светской дипломатии с таким же блеском, как когда-то — умением быть превосходной герцогиней, она останавливалась перед каждой компанией гостей и вежливо представляла им Джефферсона, который, по мнению Стивена, нисколько не волновался, держался даже слишком невозмутимо. Американец едва ли вымолвил пару слов, зато не сводил глаз с Джулии.

Стивен приблизился к парочке сзади. Джефферсон в ту же секунду чутко уловил его присутствие и обернулся. Стивен холодно, угрожающе улыбнулся. Джефферсон разглядел в этой улыбке скрытый вызов, и его взгляд с подозрением сузился.

— Мы что, знакомы? — спросил американец с легким акцентом, растягивая слова. — Или я только что наступил вам на ногу?

— Мы познакомимся прямо сейчас, — с притворным спокойствием отозвался Стивен.

Услышав голос сына, Джулия обернулась:

– Стивен! – Она сжала его ладони и поцеловала в щеку. – Я так рада, что ты здесь! Это – мистер Тайн Джефферсон, а это – мой сын, его светлость герцог Клервудский.

– Весьма польщен, ваша светлость, – все так же медленно, нараспев произнес Джефферсон.

Фраза звучала вежливо, но по тону американца Стивен понял: этот человек не ощущает трепета перед его титулом или им самим, он не впечатлен, не испуган.

– Надеюсь, вы наслаждаетесь пребыванием в моей стране? – выжал из себя ответную любезность Стивен, изобразив на лице подобие улыбки. Он обвел рукой переполненную нарядными гостями комнату. – Полагаю, вы редко посещаете балы в Калифорнии.

Подойдя к Стивену ближе, Джулия впиалась в сына острым взглядом, предельно ясно давая понять, что рассержена его поведением. Но ее раздражение не имело никакого значения. Он должен был защищать мать от бед и страданий – любой ценой.

– Вы правы, у нас в Калифорнии не устраивают подобных балов. Так что мое присутствие здесь привнесло желанное разнообразие в мою жизнь. – Джефферсон вдруг бросил на Джулию прямой, откровенный взгляд, и она вспыхнула.

Стивен вздрогнул от потрясения – и, что было совсем для него нетипично, на мгновение лишился дара речи. Он был просто шокирован тем, как открыто мать выражала свои чувства к этому мужчине.

– Я наслаждаюсь своим пребыванием здесь, – добавил Джефферсон. – И очень ценю приглашение посетить такой роскошный бал.

Джулия одарила его улыбкой:

– С моей стороны было бы непростительно, сэр, не пригласить вас присоединиться ко мне.

Стивен резко взглянул на вдовствующую герцогиню. О чем она только думала?.. Он обернулся к Джефферсону:

– И что же привело вас в Британию?

Американец, кажется, удивился:

– В сущности, это личное дело.

Подумать только: герцогу посоветовали не совать нос в чужие дела, и он совсем не обрадовался подобному ответу!

– Сэр Рекс сказал мне, что у вас какие-то переговоры с Клиффом де Уоренном, – напомнил Стивен о своем дяде, отце Алексея, который за несколько лет сумел создать всемирную судоходную империю.

– Стивен, – поспешила прервать разговор Джулия. – Я понимаю, что тебе хотелось бы продолжить знакомство с мистером Джефферсоном, но мы только что приехали. Мне необходимо представить его еще множеству гостей.

Мать была непреклонна. Стивен понял, что должен ослабить хватку и уступить – пока, на какое-то время. Но ничего не мешает ему начать сбор информации об этом американце, а завтра первым делом он пригласит Джулию в Клервуд,

чтобы выяснить, чего она добивается, поддерживая знакомство с этим дикарем.

– Возможно, я мог бы оказать вам некоторую помощь в ваших делах, не только потому, что я в хороших отношениях с семьей де Уоренн, но и благодаря моим обширным связям во всем королевстве, – сказал на прощание Стивен.

– Это очень любезно с вашей стороны, – ответил Джефферсон, и в голосе американца слышалась насмешка, хотя его лицо было непроницаемым, холодным, будто кусок льда. – Обещаю, я обязательно подумаю над вашим предложением.

Джулия тут же бросила на сына еще один предостерегающий взгляд, но Стивен едва ли это заметил. Он был убежден в том, что никогда прежде еще не сталкивался с подобной заносчивостью, и, несмотря на собственное раздражение, чувствовал, как в душе невольно зарождается что-то вроде уважения к американцу.

– Вот, глоток чая, несомненно это поможет, – с беспокойством произнес сквайр Денни.

Александра благодарно улыбнулась ему, чувствуя, что окружающие все еще пристально смотрят на нее и время от времени перешептываются. Что и говорить, не о таком приеме она мечтала перед своим первым за девять лет появлением в свете!

Никто не разговаривал с Александрой с тех самых пор,

как они прибыли на званый вечер по случаю дня рождения Сары, кроме сестер, отца и сквайра. Она приложила все свои усилия, чтобы притвориться, будто все в порядке, – не хотела встревожить сквайра или, того хуже, отпугнуть его. Но, разумеется, Александра понимала: стоит перспективному кандидату на руку и сердце осознать, что произошло и что думает о ней светское общество, как его и след простынет.

Они находились в Херрингтон-Холл уже примерно два часа, и головная боль теперь изводила Александру с такой силой, что ей пришлось признаться в своем неважном самочувствии. Денни так заботливо, по-доброму ухаживал за ней... Александра поняла, что сострадание было одной из самых значимых черт его характера.

– Благодарю вас, – сказала она, забирая у сквайра чашку и осознавая, как ему пришлось постараться, чтобы найти горячий чай в этот час.

Александра сделала глоток. Сейчас она чувствовала себя так, словно провела в этом углу танцевального зала целую вечность, хотя было всего девять вечера. Еще никогда прежде бедняжка не чувствовала себя столь оскорбленной. Горько переживая унижение, она и поверить не могла, что была так наивна – решила, будто может появиться в свете теперь, когда зарабатывает на жизнь шитьем! Что же касается грязных сплетен о том, что Оуэн бросил ее у алтаря, то Александра даже думать об этом не хотела. По крайней мере, она могла утешиться тем, что знала правду. Но даже при

том, что эти слухи были возмутительной ложью, сквайр теперь наверняка откажется от нее и подыщет себе более приемлемую в глазах общества жену.

Встревоженная, Александра бросила взгляд на своих сестер. Сейчас Оливия и Кори должны были красоваться на танцевальном паркете, но вместо этого ни на шаг не отходили от нее. Девочкам стоило наслаждаться лучшим временем в жизни, но вместо этого они стояли рядом, встревоженные и напуганные, твердо настроенные защищать ее от очередной клеветы, уберечь от новых страданий.

Взгляд Александры задумчиво блуждал по залу. И она понимала, что высматривает его – своего спасителя. Сердце все так же громко стучало, щеки пылали.

– Пойду принесу вам что-нибудь перекусить, – сказал Денни, в его голосе все так же слышалось искреннее волнение.

Осознав, что сквайр ненадолго оставит ее наедине с сестрами, позволив им переговорить с глазу на глаз, Александра кивнула:

– Благодарю вас.

Когда Денни отошел, бледная от переживаний Кори прошептала:

– Думаю, нам стоит уехать.

Александра обернулась к младшей сестре, с усилием изобразив на лице привычную обнадеживающую улыбку:

– Слезами горю не поможешь, так зачем страдать попу-

сту? Нужно просто двигаться дальше!

– Эти люди полны ненависти, – шепотом продолжила Кори. – В конце концов, кому нужен этот прием?

– Эти люди совсем не такие злобные. Какая-то жалкая горстка низких женщин распускает сплетни, только и всего. Разве мы не были рады снова увидеться с леди Херрингтон и ее дочерьми? – напомнила Александра. И в самом деле, Бланш Херрингтон была к ним добра и внимательна, а Сара и Мэрион искренне радовались шансу возобновить давнее знакомство. Да и сэр Рекс был так великодушен! – К тому же, Кори, к тебе по-прежнему проявляют интерес несколько присутствующих здесь молодых джентльменов.

– Мне все равно, – нисколько не покривив душой, бросила сестра. – Когда мы сможем уехать?

Александра перевела взгляд на Оливию и обнаружила, что средняя сестра внимательно смотрит на того самого привлекательного, показавшегося отдаленно знакомым блондина, которого они заметили в самом начале бала. Сердце Александры сжалось: кем бы ни оказался этот джентльмен, ее сестра явно не могла рассчитывать на серьезные знаки внимания с его стороны.

– Кто это?

Оливия смущенно покраснела.

– Не знаю. Я слышала, что кто-то говорил, будто он провел два последних года в американских дебрях.

Уловив в тоне сестры явный интерес к молодому мужчи-

не, Александра взяла Оливию за руку и печально сжала ее ладонь. Потом снова посмотрела на Кори:

– Мы не можем уехать так рано, это будет в высшей степени оскорбительно для хозяев дома. Кроме того, это будет грубо по отношению к сквайру.

Кори еще больше помрачнела.

– Я знаю, – ответила она. – Что ж, надежда умирает последней?

– Полагаю, нам стоит попробовать восстать из пепла и спасти для себя этот вечер, насладившись следующими несколькими часами, – подбодрила Александра.

Но сестры не прониклись ее оптимизмом – ни на секунду.

– А где отец? – неожиданно спросила Оливия.

Александра в ужасе застыла на месте. Она не видела его уже целый час, и это явно не сулило ничего хорошего. Если Эджмонт напьется, Александра свернет ему голову по возвращении домой, и на сей раз она не шутит – большего позора ей уже не вынести!

– Возможно, нам следует его поискать, – предложила она, ставя чашку на стол.

Оливия вдруг больно ущипнула ее. В этот момент Александра почувствовала на себе его взгляд – взгляд своего спасителя. Горло перехватило, стало трудно дышать, все тело напряглось. Это ощущение, осознание того, что на нее смотрит герцог Клервудский, не было похоже ни на что другое. И Александра медленно обернулась.

Все произошедшее совсем недавно казалось невероятным: и то, что она едва не лишилась чувств у всех на глазах, и то, что он успел подхватить ее, прежде чем она упала в обморок. Это по-прежнему выглядело неправдоподобным: герцог был галантен, он даже флиртовал с ней! И совсем уж невероятным было то, что мгновение спустя Александра поймала на себе его пристальный, откровенный взгляд – точно такой же, как тот, что был устремлен на нее теперь. Их глаза встретились.

Сердце Александры едва не выпрыгнуло из груди, замерло на миг, но лишь для того, чтобы с новой силой, бешено заколотиться. Она уже не могла дышать.

Спаситель Александры беседовал с несколькими джентльменами, но его взгляд – уверенный, глубокий – явно следил за ней. Александра знала: она никогда не забудет, что почувствовала, оказавшись в его крепких, сильных руках. И в то же время со всей очевидностью понимала, что таилось за интересом, который герцог выказал к ее персоне.

Богатый аристократ не был связан узами брака, как и она сама – но Александра не принадлежала к его миру. Для герцога она была слишком старой и слишком бедной, а ее имя – чересчур сомнительным, скомпрометированным. Его интерес мог означать только одно. Догадка и потрясла, и встревожила Александру.

– Это Клервуд! – в благоговейном ужасе выдохнула Кори, не зная, чем объяснить его пристальное внимание.

– Я у него в долгу, – коротко бросила Александра. Она переглянулась с Оливией: средняя сестра, разумеется, поняла, что интерес герцога к какой-то обедневшей мисс Болтон объяснялся отнюдь не благородными намерениями. И все же Александра не могла до конца разгадать причину его увлеченности, даже если та и скрывала самые постыдные желания. Почему он считал ее привлекательной? В этом огромном зале было так много красавиц... Александра терялась в догадках, когда неожиданно, краешком глаза заметила направлявшегося к ним отца.

Она замерла от ужаса. Эджмонт пошатывался. Она так горячо молилась, чтобы ситуация не ухудшилась, но, совершенно очевидно, ее молитвы не были услышаны. Оливия тоже заметила отца и, едва не задохнувшись в панике, бросила:

– Мы должны немедленно отсюда уехать!

Ничего на этом свете Александра не желала больше. Однако позорно бежать теперь, с длинными шлейфами платьев, то и дело путавшимися под ногами, было решительно невозможно – это оставило бы ужасное впечатление.

– Вы двое останетесь здесь, – распорядилась она. – Я отправлю отца домой и тут же вернусь к вам.

Оливия умоляюще взглянула на старшую сестру:

– Почему?

– Не думаю, что Денни заметил, как напился отец. И мы останемся здесь до тех пор, пока сквайр не соберется уезжать – мы ведь его гости.

Эджмонт качнулся к Александре и усмехнулся:

– Моя красавица дочь! Наслаждаешься вечером?

Схватив отца за руку, она затащила его в самый угол зала:

– Ты ведь обещал не пить!

– Я и не пил. Клянусь, Александра! Ни единой капли.

– От тебя омерзительно несет виски, и ты шатаешься, – упрекнула дочь. Ее лицо стало мертвенно-бледным, но, главное, она была унижена и встревожена.

– Я не брал в рот ни капли виски, – нечленораздельно произнес отец. – Только немножко джина.

– И чем это лучше? – Александра твердо взяла Эджмонта под руку, но он все равно чуть не рухнул на нее. Покачнувшись под весом грузного отца, который Александра просто не в силах была удержать, она ударилась о стену и покраснела от стыда. – Отец, ты должен уехать. Ты не можешь оставаться здесь в таком состоянии.

– Еще слишком рано, чтобы уезжать, моя дорогая. В игровой комнате как раз раздают карты! – Он попытался оттолкнуть дочь и снова чуть не упал.

Александра поняла, что на них обращают внимание. Крепко сжав руку Эджмонта, она попыталась поставить его прямо. Отец обрел подобие равновесия и застыл на месте, опасно покачиваясь, – Александра не знала, сумеет ли когда-нибудь простить ему этот позор.

– Ты хорошо проводишь время, не так ли? – ухмыльнувшись, спросил отец.

– Да, я великолепно провожу время, – резко бросила она, судорожно решая, можно ли постараться сразу, без лишней суеты, вытянуть его из комнаты. Вряд ли это получилось бы: Александра была недостаточно сильной для этой непростой задачи.

– Что ж, это хорошо. – Эджмонт неожиданно вырвался из ее рук и уже сам ударился о стену. – Упс!

Разъяренная, с пылающими от гнева щеками, Александра снова схватила руку отца и перебросила ее через свои плечи.

– Мы уезжаем, – объявила она, стараясь говорить как можно спокойнее, что в таком взбешенном состоянии было ох как непросто.

– Я не хочу уходить, – упирался отец. – Там карты!

Александра укоризненно взглянула на Эджмонта, и, когда он расплылся в пьяной улыбке, к ее глазам подступили слезы. И ради этого отец каждую ночь уезжает из дома? Его поведение разбивало дочери сердце. Больше всего было осознавать то, что, будь мать жива, пагубное пристрастие Эджмонта к алкоголю никогда не вышло бы из-под контроля.

– Вы позволите? – раздался вдруг рядом голос герцога Клервудского.

Александра так и застыла на месте. Она немного помедлила, пытаясь унести на себе половину веса отца, удержать его руку на своих плечах и смахнуть с глаз рассыпавшиеся в беспорядке волосы, и подняла взор...

На нее взглянули ярко-синие глаза герцога. На его краси-

вом лице не было ни тени презрения или снисходительности. Казалось, этот крепкий человек был высечен из камня, он выглядел прочным и стойким, как Гибралтарская скала.

Александра почувствовала, как сердце едва не взорвалось в груди.

– Прошу прощения?

– Разрешите мне немного вам помочь? – ослепительно улыбнулся Клервуд.

Против такой улыбки не смогла бы устоять ни одна женщина. Александра с трудом подавила в себе желание сбросить пьяного отца в сильные руки спасителя и разрыдаться. Вместо этого она лишь надежнее закинула руку отца себе на плечи, высоко вскинула голову и несколько раз моргнула, стараясь прогнать коварные слезы. Продемонстрировав свою решимость, Александра вдруг поняла, что не сможет вынести отца из комнаты и уж тем более вытащить его из дома. Но хуже всего было то, что Клервуд, самый сногшибательный мужчина из всех, на кого она когда-либо обращала внимание, был свидетелем ее унижения.

– Вы не сможете удержать на себе его вес, – мягко сказал герцог.

Он был прав. Александра в волнении облизнула губы: ей тут же пришло на ум, что этот жест ее спасителя – жест, который будет по-настоящему благородным, даже героическим, – вызовет еще больше ненужного любопытства и толков.

– Вы правы.

Александра осмелилась снова взглянуть ему прямо в глаза – и встретилась с самым заботливым и умным, самым проницательным взглядом, с которым ей только доводилось сталкиваться. Клервуд наклонился вниз, снял руку барона с ее плеч и крепко сжал его за поясницу. С губ Эджмонта сорвались пьяные протесты.

– Отец, ты выйдешь отсюда с герцогом, – сказала Александра, из последних сил пытаясь сохранять спокойствие. – Я пойду следом – и ты отправишься домой.

– Не хочу домой... герцог? – в изумлении вытаращился на Клервуда Эджмонт.

– Успокойтесь, любезнейший, – отозвался герцог, и в его тихом голосе слышались властные нотки. – Вечер закончился, и вы сейчас отправитесь домой, как и предложила мисс Болтон.

Он знал ее имя...

Глаза Эджмонта комично округлились.

– Ваша светлость, – послушно прошептал он, теперь уже ясно осознавая, с кем имеет дело, и трепеща от благоговения.

Несчастливая, оскорбленная дочь едва сдерживала рыдания, когда Клервуд увлек барона по направлению к двери.

Александра почувствовала, что сестры подошли к ней и тихо стоят рядом, полные тех же отчаяния и боли, которые наполняли ее собственную душу. Когда Клервуд потащил от-

да через зал, Александра уловила, как смолкла и замерла в любопытстве окружавшая их толпа. Каждая пара глаз в комнате пристально следила за Клервудом и его пьяным, неуклюжим спутником.

Неожиданно от толпы отделились двое джентльменов, которые со всех ног кинулись на подмогу к герцогу. Александра узнала молодого человека с рыжевато-коричневыми волосами – им оказался сын сэра Рекса Рандольф де Уоренн, которому было лет двадцать или около того. В отношении личности другого мужчины тоже сомнений не возникало, хотя она и не видела его многие годы – мрачно-привлекательный, храбрый торговец-мореплаватель Алексей де Уоренн. Джентльмены быстро освободили Клервуда от основательно захмелевшего Эджмонта.

– Найдите экипаж, чтобы отвезти его домой, и надлежащее сопровождение, – невозмутимо распорядился Клервуд, одергивая свой фрак.

– Я провожу его домой, – тут же вызвался Рандольф, хмуро улыбнувшись.

– Благодарю. – Клервуд одарил молодого человека ответной улыбкой. – Можешь воспользоваться моей каретой, если пожелаешь. Я ценю твою помощь, Рольф.

Александра подумала, что Рандольф так и жаждет угодить герцогу – впрочем, ее это совершенно не касалось. Главное, благородный порыв молодого де Уоренна означал, что ее отец будет благополучно доставлен домой. И все-таки Алек-

сандра не могла не обратить внимание на то, как герцог и его молодой помощник похожи друг на друга, даже несмотря на то, что шевелюра Рандольфа отливала рыжевато-коричневым, а волосы Клервуда были черными как смоль. Ее поразило сходство черт джентльменов, потом удивил одинаковый, отличавший обоих смуглый цвет лица. Перед тем как Рандольф обернулся к Эджмунту, Александра успела заметить блестящие синие глаза, которыми славились все мужчины династии де Уоренн. У Клервуда были те же необычайно притягательные, ярко-синие глаза. Но все это сейчас конечно же было совершенно не важно. Она понятия не имела, почему обратила внимание на это потрясающее сходство в столь драматичный момент.

Клервуд повернулся и снова направился к Александре. Ее сердце глухо стукнуло. Стоявшие рядом с ней сестры насторожились, и Александра почувствовала, что стала заливаться краской. Герцог спас ее от обморока. Интересно, он слышал сплетни? Считает ее появление на балу достойным порицания? Полагает, что ее нужно вышвырнуть из этого дома? Что он думает о поведении ее отца? Как расценивает тот факт, что ей приходится зарабатывать себе на жизнь шитьем? И вообще, почему ее так волнует его мнение?..

Неожиданно Клервуд взял бокал шампанского с подноса, который проносил мимо официант, прямо на ходу, не нарушая шаг. Мгновение спустя он вручил его Александре.

– Шампанское едва ли залечит все раны. Но вы выглядите

так, будто вам необходимо выпить.

Она с благодарностью приняла бокал, а Клервуд как бы ненароком взглянул на ее сестер, стоявших рядом. Словно по команде, они кивнули герцогу, повернулись и отошли на несколько шагов. Александра не могла отвести от него взгляд, но понимала, что за ними внимательно наблюдают сестры – точно так же, как и остальные находящиеся в зале.

– Сожалею по поводу вашей неприятности, мисс Болтон.

Что это значило? И почему ему было какое-то дело до ее неприятностей?

– У вас нет ни малейшей причины сожалеть о чем-либо. Вы спасли меня от обморока. Вы вывели моего нетрезвого отца из комнаты и удостоверились, что его благополучно доставят домой. Благодарю вас.

– Первый поступок доставил мне удовольствие. Второй объяснялся моим выбором, желанием помочь. – Его рот задумчиво скривился.

И все же Александра продолжала задаваться вопросом, с какой стати герцогу вздумалось беспокоиться о ней.

– Определенно, это был неприятный выбор, к тому же вы совсем не обязаны были его делать. Еще раз сердечно благодарю вас, ваша светлость. Ваша доброта просто поразительна.

Клервуд с мгновение пристально смотрел на нее.

– Доброта не имела ничего общего с моими поступками. – Он поклонился. – Вас, кажется, с большим нетерпением

ем ожидает поклонник. Джентльмен всегда знает, когда ему пора удалиться.

Александра вся сжалась, глядя на сквайра Денни, нерешительно топтавшегося позади них с крайне озадаченным видом. Насмешливый тон герцога ее не обманул. Александра почувствовала, как в душе нарастает тревога и чувство неловкости. Так или иначе, но герцог понял, что Денни ухаживает за ней.

Герцог бросил в ее сторону странный, почти многообещающий взгляд, словно желая сказать, что он еще вернется, и удалился. Александра осталась стоять одна, чувствуя, будто только что устояла перед ураганом – или каким-нибудь другим не менее сокрушительным стихийным бедствием.

Глава 4

Мужской клуб, расположенный в отеле «Сен-Люсьен», слыл элитным местом встреч для избранных. Далеко не каждый мог стать членом этого клуба, невозмутимый метрдотель не пускал нежеланную публику дальше тяжелых резных дверей. Даже торговцам, банкирам, владельцам заводов и адвокатам не было позволено переступить порог заведения без надлежащего представления и подобающего сопровождения. Иными словами, это было убежище сливок высшего общества страны. Стивена редко привлекали мужские клубы или другие подобные заведения, но изредка ему хотелось побыть в подобной изоляции.

Сейчас герцог плавно направлял Рандольфа вперед, его рука лежала на плече младшего брата. Метрдотель почти-тельно поклонился:

– Ваша светлость. Мистер де Уоренн.

Стивен кивнул, и они с единокровным братом вошли в тускло освещенную гостиную, заполненную превосходной мебелью, позолоченным антиквариатом и обюссонскими коврами. В этот поздний, почти полуночный час в клубе по большей части отдыхали джентльмены возраста Клервуда, и многие из них то и дело прикладывались к своим бокалам. Приветственный шепот «ваша светлость» неся за Стивеном, когда он проходил мимо самых разнообразных ком-

паний. Алексей, Джек, Нед и его младший брат Чарльз, известный всем как просто Чаз, раскинулись на плюшевых сиденьях дивана в дальнем углу гостиной. Окна комнаты выходили на парк, над которым этой ночью ярко светила луна.

– А мы как раз гадаем, куда это ты запропастился, – обратился к Клервуду Джек О’Нил, сидящий положив ногу на ногу и с сигарой в руке.

– Я должен был вырвать моего юного друга из общества одной ненасытной баронессы, – невозмутимо объяснил Стивен. – Он заигрывал с леди Дюпре.

Рандольф плюхнулся на диван рядом с Алексеем, который налил для него великолепный коньяк и подтолкнул бокал так, что тот проехал вдоль стола.

– Она была самой красивой женщиной на званом вечере по случаю дня рождения, и в свою защиту могу сказать, что она первая стала пожирать меня глазами, еще до того, как я подошел, – объяснил Рандольф.

– Для тебя они все самые красивые, – бросил Чарльз.

– Благоразумие было бы наилучшей линией поведения, – заметил Стивен, – потому что ее нынешний любовник стоял рядом, да и муж вполне мог вас слышать.

– Леди Дюпре... – задумчиво пробормотал Алексей. – Молодец, Рольф!

Рандольф отсалютовал ему бокалом.

Стивен уселся в кресло рядом с диваном, бросив взгляд на Алексея. Лучший друг расслабленно развалился на подуш-

ках в манере, говорившей о том, что он едва ли захмелел – скорее тщательно готовится к очередному раунду их словесной перепалки. Алексей напоминал черного ягуара в клетке, ожидающего сторожа, который осмелится войти внутрь. Он лениво улыбнулся Стивену:

– Раз уж мы говорим о предстоящих завоеваниях женских сердец... Не дала ли понять мисс Болтон, что отблагодарит тебя за спасение, ведь ты так выручил ее сегодня вечером – и не один, а целых два раза?

Стивен налил себе коньяк, с нарастающим в душе гневом вспоминая о том, какому унижению подверг Александру Болтон ее отец.

– Эджмонт вел себя постыдно!

– Мисс Болтон держалась весьма достойно, – решительно произнес Нед. – Какое достоинство в этом бесчестье, какая стойкость!

Стивен кивнул, молчаливо соглашаясь с приятелем.

– Она – необыкновенная женщина, – вступил в разговор Джек. – И почти такая же высокая, как я.

Стивен бросил в сторону Джека обманчиво спокойный взгляд, в котором таилась тихая угроза.

– Я бы никогда не стал вторгаться на твою территорию, – рассмеялся Джек, но тут же посерьезнел. – Я действительно искренне посочувствовал ей. Как и ее сестрам. Эджмонта следовало бы пристрелить.

– Ну, это уже слишком! – удивился жесткому приговору

Нед. – Ты ведь вернулся в цивилизованное общество, Джек! Или ты забыл?

Джек сжал руки в кулаки, все еще обдумывая наказание для Эджмонта.

– Полагаю, я действительно стал немного диким. – Он огляделся. – Давайте найдем таверну и каких-нибудь распутных девиц посимпатичнее! Мне скучно!

Чарльз и Рандольф переглянулись.

– Я знаю одно местечко, – протянул Чарльз, стараясь казаться искушенным и пресыщенным удовольствиями.

Старший брат Чарльза, Нед, взглянул на него с укоризной:

– Тебе хорошо, ты – запасной наследник. Тебе не нужно заботиться о поддержании хорошей репутации.

– Совершенно верно. Я – всего лишь запасной, а не главный, – невозмутимо отозвался Чарльз и, опустошив свой бокал, принялся шептаться с Рандольфом, обсуждая планы на остаток вечера.

Алексей повернулся к Стивену и пристально посмотрел на него:

– Спрошу снова. Как продвигается твое очередное обольщение? Мисс Болтон расположена отблагодарить тебя должным образом?

Стивен почувствовал, как кровь медленно закипает в жилах. Вспомнив, какой гордой была Александра Болтон, он медленно произнес:

– Кажется, она действительно была искренне благодар-

на... Не понимаю, почему это так тебя волнует?

– Но я действительно волнуюсь, – улыбнулся Алексей. – Она – не какая-то там Шарлотта Уитт. В сущности, на этот раз ты можешь столкнуться с некоторым сопротивлением. Кстати, Элис решила познакомиться с мисс Болтон. Ариэлла собирается официально представить их друг другу.

Стивен вздохнул. Он ждал, что кузены станут вмешиваться в его личную жизнь – время от времени они принимались надоедливо попрекать его статусом холостяка. Но Клервуд и вообразить не мог, с какой стати их вдруг так взволновал его интерес к Александре Болтон. И теперь он невольно думал, насколько прав был Алексей в отношении этой женщины. Мало того что мисс Болтон была гордой, она еще и не флиртовала с ним, не допустила ни единого заигрывания, тогда как любая другая женщина, которая попадалась на пути герцога, начинала добиваться его внимания и кокетничать.

– Учитывая ее бедственное материальное положение, я уверен, что в итоге мы придем к весьма приятному соглашению. И возможно, тебе удастся убедить своих жену и сестру не вмешиваться? Ей-богу, в данном случае им просто нечем интересоваться!

Алексей улыбнулся в ответ:

– Но я склонен полагать, что, вероятно, настало время, когда им следует вмешаться – мисс Болтон так незаурядна!

Стивен внимательно посмотрел на кузена:

– О чем это ты?

– Она – не твой типаж, она совсем не подходит для любовной интрижки, – поспешил объяснить Алексей.

– Как же ты ошибаешься!

Кузен смотрел так, будто что-то знал о мисс Болтон, и это встревожило Стивена.

– Она ведь не замужем? – глазом не моргнув осведомился Нед. – И разве она не леди?

Стивен почувствовал некоторую неловкость, что-то вроде угрызений совести.

– Она – взрослая женщина, Нед, и, ради всего святого, мы говорим о незамужней даме! Мисс Болтон уже стала участницей скандала, так что это не невинная дебютантка, которой я хочу безжалостно воспользоваться.

– Она – женщина, обладающая чувством собственного достоинства, – сказал Нед. – И гордостью. Это сразу бросается в глаза. Для своих развлечений тебе стоит подыскать другую.

Стивен холодно посмотрел на Неда, но уstrasшить того было непросто. Однажды его кузену суждено было стать графом Адарским, унаследовать громкий титул и влиятельное положение. Стивен и не ждал, что Нед будет ему уступать, – герцогу просто не нравилось, когда его действия подвергали сомнению, а еще больше он не любил вмешательства кузенов в его амурные дела. До сего момента никто не надоедал ему нотациями о Шарлотте или одной из бесконечных любовниц, которые были перед нею.

Но Алексей не ошибался в одном: Александра была со-

вершенно не похожа на Шарлотту.

– Хотелось бы мне знать, как Энн Синклер справилась бы с драмой, подобной той, что разыгралась сегодня вечером, если бы оказалась на месте мисс Болтон, – тихо сказал Алексей.

Сидевшие за столом мужчины дружно воззрились на него и задумались. Стивен криво усмехнулся, потягивая свой коньяк и гадая, с чего это Алексею вздумалось сравнивать этих двух женщин.

– Убежден, леди Синклер держалась бы столь же мило и достойно, – произнес герцог, хотя едва ли на самом деле так думал. – Ты интересуешься леди Энн, Алекси?

– Я? Разумеется, нет. Что ж, давай разберемся... Сколько ей лет? Восемнадцать? И каковы же ее достижения? О, подожди, знаю: ее холили и лелеяли всю ее жизнь. И она великолепно танцует. Кроме того, ее манеры безупречны. Вы двое составите прекрасную пару – такая девушка могла бы стать потрясающей герцогиней. Ну что, у кого-нибудь есть возражения?

Но все присутствующие теперь молчали, явно обдумывая слова Алексея. Тишину нарушил вконец разозлившийся Стивен:

– Я подумывал о браке с Энн, но решил отказаться от этой идеи.

– Естественно, ты так решил. И я действительно поддерживаю твоё намерение отделаться от этой невесты, – сказал

Алексей. – Скажи-ка, а ты слышал, что мисс Болтон шьет, обеспечивая средствами к существованию своих сестер и отца?

Кузен явно поддразнивал Стивена, и тот не понимал почему.

– Восхищаюсь ее находчивостью и трудолюбием, – ответил Клервуд.

Алексей с изумлением уставился на него:

– Да неужели?

Кто-то из компании рассмеялся.

– Думаю, это настоящая трагедия, что ей приходится работать, добывая деньги для семьи, – заметил Рандольф.

– Да, это – трагедия, – согласился Стивен, пристально глядя на Алексея. – Жизнь вообще полна трагедий.

– А еще жизнь полна красивых, молодых, избалованных дебютанток. – Алексей отсалютовал ему бокалом.

– Так вот кого ты мне прочишь? – с раздражением бросил Стивен. И тут же вспомнил целый парад молодых леди, союз с которыми ему то и дело предлагали в течение последних десяти лет, – все эти девушки были зеркальным отражением Энн. – Удивительно с твоей стороны, потому что я, кажется, припоминаю одну ужасно изнеженную и избалованную молодую женщину... которую не кто иной, как ты, бросил перед алтарем, пустившись наутек в поисках неизведанного.

Стивен в свою очередь с издевкой поприветствовал кузена, подняв бокал, который, впрочем, оказался почти пустым.

Улыбка осталась приклеенной к лицу Алексея, но глаза уже не светились прежней теплотой.

– Я совершил ужасную ошибку, оставив ее после того, как мы обменялись клятвами. Но я не могу представить, чтобы леди Энн стала такой же впечатляющей женщиной, в которую превратилась моя жена, – женщиной со своими взглядами, идеями, желаниями, характером. Мисс Болтон напоминает мне Элис – не внешне, а своей храбростью. – Он осушил бокал и добавил: – Полагаю, ты только что оскорбил мою жену.

Стивен знал, что перегнул палку и ему следует принести извинения, но последнее упоминание кузена о мисс Болтон было еще более раздражающим, чем все предыдущие, вместе взятые, – хотя сегодня вечером Александра действительно проявила похвальную храбрость. С тем, что она повела себя достойно, не мог поспорить никто.

– Лично я не привык к женщинам, у которых есть собственное мнение, – еле слышно пробормотал он.

– Боже праведный, сначала ты оскорбил меня, потом – Элис, а теперь позволяешь себе оскорблять каждую женщину в моей семье, – бросил Алексей, резко вскакивая с места.

– Я совсем не это имел в виду, – растерянно ответил Стивен, тоже поднимаясь со своего кресла.

– Думаю, тебе стоит жениться на Энн или ком-то в этом роде, – припечатал Алексей. – Давай, раз ты такой болван! Вступи в брак с женщиной, которая наскучит тебе до слез –

ведь только так ты сможешь угодить тому ублюдку, который тебя вырастил! Только это поможет тебе стать в точности таким же, как тот мерзавец, – ничего другого ты и не заслуживаешь! Немедленно извинись.

Джек рассмеялся, а Стивен окончательно вышел из себя:

– Я – болван? Даже если и так, то лишь потому, что ты во все вмешиваешься, как последняя сплетница!

Глаза Алексея чуть не вылезли из орбит от возмущения, а потом превратились в узенькие щелочки.

– Ого! – потрясенный, только и сказал он.

Тело Стивена напряглось, приготовившись встретить удар. Но стоило Алексею сжать кулак, как Нед вскочил с места и поспешил встать между двумя разъяренными кузенами.

– Алекси, одумайся, не можешь же ты ударить его светлость!

– Ах, его светлость, эта задница, черт меня дери! Почему не могу? Я бил его сотни раз! – гневно воззрился на Неда Алексей.

– Стивен это заслужил, – поддержал Джек, одобрительно усмехаясь. – Он действительно оскорбил Элис – как известно, мою единственную сестру. И если бы он назвал сплетницей меня, я бы снял кусочек его скальпа.

Джек подмигнул двум спорщикам, явно предвкушая кулачный бой.

– Давай же, вперед, ударь меня, – бесстрастно произнес

Стивен. – Обещаю, я не буду бить тебя в ответ.

Но Алексей слишком хорошо знал своего кузена.

– Ты не нанесешь мне ответный удар, потому что знаешь: в ударах наотмашь я возьму верх.

Глаза Стивена изумленно выкатились.

– Я хочу сделать ставки, – объявил Джек. – Кто-нибудь присоединится?

Он вопросительно взглянул на Чарльза и Рандольфа.

– До драки не дойдет, никто не будет никого бить, – постановил Нед. – По крайней мере, не за этим столом.

Он немного помедлил, давая страстям утихнуть, а потом небрежно спросил:

– Так ты действительно рассматриваешь Энн Синклер в качестве невесты? В этом все дело?

– Нет, ни в коем случае, – твердо ответил Стивен. – И я действительно понятия не имею, что так задело Алекси сегодня вечером. Понятно, что, если однажды я решу жениться, обязательно выберу юную дебютантку. Прошу прощения за то, что оскорбил Элис. Я очень ее люблю. И в некоторой степени считаю ее своей сестрой.

Алексей улыбнулся, к нему тут же вернулось хорошее настроение.

– Я знаю, что ты ее любишь. Но ты – все еще болван. Ты уже рассмотрел сотню кандидатур самых разных дебютанток. Впрочем, это не твоя вина, это все Том! В конечном итоге, ты будешь подражать ему, влача существование, которое

презираешь, в золотой одинокой клетке.

Нед примирительно сжал плечо Алексея.

– Он же принес свои извинения. Давайте закроем эту тему.

Стивен скрестил руки на груди, пристально глядя на кузенов. Ах, как же он надеялся, что Алексей ошибается! Теперь Стивен ясно вспомнил, как еще мальчиком его лучший друг считал Клервуд холодным и одиноким местом.

– В золотой клетке? Теперь ты стал поэтом! – бросил он, стараясь сдержать вновь нарастающее раздражение.

– Правда может больно ранить. – Алексей безразлично пожал плечами. – Я переменял свое мнение. Тебе стоит перестать добиваться взаимности от Александры, и, определенно, ты должен жениться на Энн.

– Твоя точка зрения понятна. Ты достаточно долго ее отстаивал.

– И какова же его точка зрения? – встрял Джек.

– Она заключается в том, что выбор в пользу какой-нибудь леди, столь же юной и неопытной, как Энн, будет неверным. Вот почему он так настойчиво продолжает сравнивать ее с мисс Болтон! А потом он снова примется расточать восторги по поводу брака с женщиной независимых взглядов, благородных идей, сильной воли и собственных мнений.

– В отличие от остальной части этой семьи, – с улыбкой заметил Джек, – я – против брака в теории и на практике.

– Я бы советовал тебе не зарекаться, – предупредил Алек-

сей.

– Дружище, ты слишком одержим своей любовью, чтобы понять: самодовольство здесь не приветствуется, – сказал Стивен.

– И тебе не стоит зарекаться. – Алексей похлопал его по плечу. – Не переживай, надежда есть. В конце концов, ты – де Уоренн, и однажды мы еще посмеемся над тем, каким упрямым и глупым ты был.

– Я очень рад, что ты так заботаешься обо мне, но, может, мы наконец-то снова сядем и насладимся нашим коньяком? Или ты будешь продолжать меня провоцировать?

Алексей покачал головой.

– С меня на сегодня хватит – я еду домой. К моей независимой, чрезмерно откровенной, упрямой жене, – усмехнулся он. – Что ж, наслаждайтесь своим коньяком.

Когда Алексей ушел, оставшиеся за столом, по иронии судьбы все – холостяки, переглянулись. Даже дорожащий своей репутацией Нед был настроен продолжить пирушку.

– Алекси утратил мужественность и стал подкаблучником, – констатировал Джек.

Стивен был готов согласиться – почти.

– Только не говори ему об этом.

– Думаю, нам стоит провозгласить тост за нашу свободу – и возблагодарить за нее судьбу, – предложил Джек. – Что касается меня, то я никогда таким не стану!

Стивен взял у друга бокал, думая об Александре.

– По крайней мере, Алекси откровенно счастлив, – сказал он.

Александра автоматически, будто в оцепенении, следовала своему обычному утреннему распорядку. Она никак не могла перестать думать о вчерашнем вечере. И несмотря на то что забыть распространяемые о ней мерзкие сплетни было просто невозможно, все мысли, так или иначе, сводились к герцогу Клервудскому.

Умывшись и одевшись, Александра уже собралась спуститься к очень позднему завтраку – на часах было одиннадцать, почти наступило время ланча, – когда вдруг помедлила, коснувшись рукой потертых деревянных перил. Тело болезненно напряглось, сердце сжалось, чтобы тут же заколотиться с новой силой, быстрее, чем прежде. Потрясающей красоты черты герцога отчетливо всплывали перед ее мысленным взором. И как так вышло, что их дорожки вдруг пересеклись? Такого мужчину не смогла бы забыть ни одна женщина!

Александра по-прежнему не могла понять, почему он спас ее саму и ее отца. Но больше всего Александру интриговал вопрос, по какой причине она была – и видимо, до сих пор оставалась – настолько увлеченной им.

Александра еще могла объяснить страсть, которую чувствовала к Оуэну, – она любила его, собиралась за него замуж. Но Клервуд был посторонним, незнакомым ей челове-

ком.

В довершение всего, вчера вечером герцог ясно дал понять, что питает к ней интерес – нечто подобное могло обернуться новым позором. Как будто ей мало скандалов! Впрочем, все произошедшее теперь не имело ровным счетом никакого значения. Сегодня Клервуд, разумеется, пришел в себя, одумался. Он забыл о ней. Иначе и быть не могло, ведь Александра не имела ничего общего с его представлениями о ней. Независимо от того, что он подумал о случайной знакомой с бала, ее это просто не должно было интересовать.

Сердце Александры по-прежнему быстро колотилось, и ей никак не удавалось справиться с нахлынувшей грустью. Было очевидно, что она совершила ошибку, приняв приглашение сквайра на бал. Мало этого: ее опрометчивое решение принесло страдания сестрам. Не говоря уже о том, что вчерашний выход в свет и тот короткий момент в объятиях Клервуда разбередил ее старые раны. Она потеряла покой и сон, не могла отделаться от мыслей о том, что чувствовала в его крепких, сильных руках. При одном воспоминании о тех мгновениях тело Александры начинало лихорадочно гореть. А еще она теперь постоянно размышляла об Оуэне, тосковала по тому, что у них почти уже сложилось... Боль прошлого вдруг вернулась, и это ранило сильнее, чем когда-либо прежде.

Сейчас Александра почти уже жалела о том, что в свое время не сделала другой выбор. И это мучило, изводило ее...

До этого момента она никогда не позволяла себе сомневаться в том, что поступила правильно. С моральной точки зрения решение пожертвовать собой ради сестер и отца было абсолютно верным. Александра поклялась матери, что костями ляжет, но позаботится о семье! Эта клятва значила для преданной дочери больше, чем ее собственное счастье.

– Почему ты застыла на лестнице, словно статуя? – вывел Александру из задумчивости тихий голос Оливии, раздавшийся снизу.

Вернувшись к реальности, Александра улыбнулась и быстро стала спускаться по ступенькам, чтобы присоединиться к сестре.

– Я проспала, – объяснила она. Сон действительно пришел к Александре только на рассвете. Неудивительно, что она встала так поздно, проспав свое привычное время для подъема.

– Ты никогда не спишь дольше обычного, – сказала Оливия, и в ее зеленых глазах мелькнула тревога.

Не было ни малейшего смысла усиливать беспокойство сестры, признаваясь, какие переживания терзали ее всю ночь, поэтому Александра предпочла пропустить это замечание мимо ушей.

– Я проголодалась, – солгала она. – Ты составишь мне компанию? Может быть, выпьешь хотя бы чашку чаю?

Прежде чем Оливия успела ответить, двери кабинета распахнулись, и через них неуклюже вывалился Эджмонт. Он

все еще оставался в своем фраке, который теперь измялся. Небритый и растрепанный, барон выглядел, мягко говоря, не самым достойным образом.

– Доброе утро, – пророкотал он и, сощурившись, посмотрел на дочерей.

Александра не ответила – от возмущения она не могла вымолвить ни слова. По крайней мере, пока. Демонстративно не обращая на отца внимания, она прошествовала мимо него на кухню, Оливия направилась следом.

Но Эджмонт бросился за ними.

– Какая грубость! – воскликнул он.

Александра подошла к печи и, силясь унять дрожь в руках, взяла спичку, чтобы зажечь дрова в топке. Потом накалила воды в чайник и поставила его на огонь.

– Ты что, сердисься? – Отец поморщился и потер виски. – Вечер прошел хорошо? Похоже, я почти ничего не помню.

Александра резко обернулась к нему:

– Нет, вечер прошел не слишком хорошо, а все потому, что ты напился и все испортил!

Он с трудом сумел удержать себя в вертикальном положении.

– Я не позволю тебе разговаривать со мной подобным тоном!

Александра глубоко вздохнула. Она никогда не выходила из себя, никогда не срывалась на крик, но получается, сейчас накричала на Эджмонта. Она только что оскорбила сво-

его собственного отца! Александра постаралась взять себя в руки.

– А почему бы и нет? Вчера в Херрингтон-Холл ты сам унизил себя на глазах у всех. – Теперь она говорила уже спокойно. – Ты хотя бы помнишь, как добрался до дома вчера вечером?

Он явно был озадачен.

– Нет, не помню.

– Герцог Клервудский волок тебя через весь танцевальный зал, отец. Да, ты был пьян. А потом Рандольф и Алексей де Уоренны вывели тебя из дома. Насколько я знаю, домой тебя привез Рандольф де Уоренн.

Эджмонт побледнел, но тут же горделиво приосанился.

– У каждого человека есть права, точно так же и у меня есть право на стаканчик джина. Ты преувеличиваешь – теперь-то я вспоминаю все, что произошло. – Он ненадолго смолк, тяжело дыша, потом взглянул на Оливию и приказал: – Приготовь мне завтрак.

Оливия прошла мимо него, нехотя подчиняясь, ее рот презрительно сжался.

Чайник начал посвистывать. Александра повернулась к печи – медленно, хотя ей сейчас отчаянно хотелось в гневе носиться по кухне. Она сняла чайник с огня и спокойно поставила на столешницу, с трудом удерживаясь от желания грохнуть его об пол. В сознании Александры вдруг снова мелькнул притягательный образ Клервуда. «Черт возьми!» –

с досадой подумала она.

Кстати, прежде Александра никогда не ругалась, даже мысленно.

– Что сегодня слышно о сквайре? – осторожно спросил Эджмонт, наконец-то приходя в себя.

– Пока не знаю. – Она налила две чашки чаю – для себя и Оливии. – Хочешь чаю, отец?

– Да.

Александра наполнила еще одну чашку и обернулась к нему:

– Сквайр теперь точно прекратит ухаживания, и все по твоей вине. Пристрастие к выпивке просто необходимо побороть! Это настоящий позор, и мы уже не можем выносить твой алкоголизм.

Эджмонт уставился на старшую дочь, но она бесстрашно ответила на отцовский взгляд и вручила ему чашку с блюдцем. Не говоря ни слова, барон вышел из кухни и уселся за обеденным столом в комнате.

Александра и Оливия переглянулись. Казалось, Эджмонт задумался над своим поведением, но они обе понимали, что это ненадолго.

– У нас гости, – объявила Кори. – Точнее, всего один гость.

Александра только что закончила завтракать тостом и джемом. Кори стояла у окна кухни, и старшая сестра подо-

шла к ней, чтобы посмотреть, кто же собрался нанести им визит еще до полудня. Когда темная карета приблизилась, она поняла, что в гости пожаловал сквайр.

Вне себя от волнения, Александра застыла на месте. Вчера ночью Денни привез их домой, но было слишком поздно, все устали, беседа явно не клеилась. Кори даже заснула по дороге, и сквайр посоветовал Александре сделать то же самое. Спать совсем не хотелось, но она притворилась задремавшей, чтобы избежать разговора с ним.

Теперь Александра гадала, как Денни объявит о прекращении своих ухаживаний – пришлет короткое письмо или приедет и объявит об этом лично? Безусловно, письмом было бы лучше. Но ему наверняка захочется переговорить с Эджмонтом. Все это тревожило Александру, ведь сквайр был последней надеждой на достойную жизнь ее сестер.

Она не хотела отказываться от возможностей, которые могло дать это замужество. Она сама была последней надеждой сестер. И ей хотелось бороться за то, чтобы обеспечить девочкам достойное будущее.

Кори отвернулась от окна.

– Что ж, сквайр уже здесь.

– Хочешь, мы будем присутствовать при вашем разговоре?

– В этом нет необходимости. – Действуя скорее машинально, чем осознанно, Александра сняла фартук и убрала выбившиеся пряди волос за уши.

– Он собирается прекратить общение, не так ли? – спросила Кори. Ее лицо было хмурым.

– В этом нет ни малейшего сомнения. Тебя это должно обрадовать, ведь ты была так решительно настроена против сквайра.

– Вчера вечером тебя обвиняли в ужасных вещах, Александра! Я никогда не хотела, чтобы ухаживания прервались по этой причине, из-за лживых сплетен.

Александра похлопала сестру по плечу:

– Забудь о прошлом вечере, Кори.

Бросив взгляд на Оливию, Александра направилась к входной двери. Получать отказ всегда неприятно, вот и теперь стоило ей взяться за ручку двери, как сердце сжалось от ужаса.

Перед Александрой предстал сквайр собственной персоной: его щеки горели от быстрой езды, и он не улыбался – был серьезным, даже грустным.

– Добрый день, мисс Болтон.

Стараясь унять свой страх, она ответила на приветствие, впустила сквайра в дом и проводила его в гостиную.

– Слишком рано для визитов? Я не мог уснуть вчера ночью, мисс Болтон, все время думал о вас.

Александра мрачно улыбнулась:

– Я должна принести извинения за поведение своего отца накануне вечером и еще раз поблагодарить вас за любезное приглашение на прием.

– Вы не должны извиняться, – сказал Денни.

Александра удивленно взглянула на него:

– Разумеется, должна.

– Нет. – Он покачал головой и добавил: – Я так расстроен! Мне очень жаль, что вам пришлось страдать прошлым вечером. Я и представить себе не мог, что все так обернется!

– Со мной все замечательно. – Она пыталась казаться беспечной. – Я уже забыла о том, что произошло.

Александра заставила себя улыбнуться. Что ж, теперь ей оставалось всего-навсего позволить сквайру выпутаться из неловкой ситуации со сватовством.

– Я знаю, почему вы приехали, мистер Денни. И я понимаю вас.

– Хорошо, если так. Тогда вы должны знать, что я разъярен этими подлыми, низкими сплетнями, которые дошли до меня вчера вечером! – с жаром воскликнул он.

Александра застыла на месте.

– Так вы слышали?

Сквайр хмуро кивнул.

– Но вы и виду не подали, что знаете об этих наговорах!

– Я не хотел делать вам еще больнее.

Александра осознала, что Денни слышал все омерзительные сплетни, включая ложь о ней и Оуэне, и вспыхнула до корней волос.

– Вы можете без лишних объяснений прекратить наше общение, мистер Денни, – после долгого молчания произнесла

она. – Ни одному джентльмену не нужна жена, которую общество считает недостойной.

Он уставился на нее, вытаращив глаза:

– Что? Так вот о чем вы думаете! Я не верю всем этим пакостям, которые невольно услышал, не поверил в них ни на минуту! И вы – самая достойная женщина из всех, кого я знаю. Вы сияете как солнце, мисс Болтон, а все эти гарпии никогда не выйдут из вашей тени! Даже представить себе не могу, с чего им вздумалось так клеветать на вас!

Александра была озадачена, смущена, просто поражена! Мортон Денни не поверил сплетням! Он не осуждал ее, подобно всем остальным. Он был уверен в ее порядочности, честном нраве.

Тут Александра заметила, что сестры стоят в прихожей, у приоткрытой двери гостиной, прильнув к образовавшейся щели.

– Я приятно удивлена, сэр, что вы так верите в меня.

– Вы подшивали одежду моей жене на протяжении пяти лет, мисс Болтон. Полагаю, мне известно, какая вы на самом деле.

Александра прикусила губу, потом выдохнула:

– Так вы просто прибыли с визитом?

– А для чего еще я мог бы приехать?

Она уже едва владела собой.

– Разве вы прибыли не для того, чтобы положить конец нашему общению?

– Разумеется, нет. Я лишь хотел удостовериться, что с вами все в порядке после прошедшего вечера.

Александра не могла поверить в его великодушие. Повернувшись, она подтянула к себе стул и села. Сквайр подошел к ней.

Подняв на него усталый взор, Александра сказала:

– Для общества я всегда буду недостойной, неприемлемой. Вы можете рассчитывать на лучшую участь, вы этого заслужили.

Он немного помедлил, постигая смысл ее слов, и горячо возразил:

– Как я могу найти кого-то лучше вас, мисс Болтон? Как?

Она отчаянно пыталась вернуть себе хоть каплю самообладания, в душе боролись тревога и облегчение. Сквайр не отказался от ухаживаний после всего, что произошло, и стоило Александре осознать это, как она забеспокоилась еще больше – стало очевидно, что Денни влюблен в нее. Боже, если бы только она могла ответить на его чувства! И ей пора перестать думать об этом Клервуде! Несколько раз глубоко вздохнув, Александра поднялась со стула.

– Оуэн Сент-Джеймс не бросал меня, мистер Денни. Я не лгала, когда рассказывала вам о клятве, которую дала умирающей матери, и своем решении порвать с Оуэном.

Сквайр кивнул, и в тот же самый момент в гостиную вдруг с шумом ввалился Эджмонт. И тут же остановился как вкопанный, с тревогой переводя взгляд с Денни на дочь.

– Отец, – поспешила сказать Александра, в надежде не допустить новой катастрофы. – Сквайр заехал нас навестить.

Эджмонт кинулся вперед, к Денни, который, казалось, чувствовал себя теперь крайне неловко.

– Вы ведь приятно провели вчерашний вечер? – напрямик спросил гостя отец. – Александра была восхитительна, не так ли? В точности как ее покойная мать, истинная леди.

– Мисс Болтон восхитительна всегда, – ответил Денни.

– Не желаете ли выпить со мной чаю? Для бренди еще слишком рано, – засмеялся отец, похлопывая сквайра по руке.

Денни взглянул на Александру. Он явно не был настроен на общение с изрядно помятым бароном, однако им необходимо было поладить, чтобы устроить брак. Александра одобрительно улыбнулась сквайру, и он, кивнув, повернулся и направился в кабинет с Эджмонтом. Как только мужчины удалились, в гостиную вбежали сестры – бледные, с широко распахнутыми от страха глазами.

– Он не собирается прекращать наши отношения, – сказала Александра.

– Мы слышали, – прошептала Оливия.

Кори бросила взгляд мимо сестры, в сторону окна, выходящего на подъездную дорогу к дому.

– К нам приближается какой-то всадник, – оповестила она.

Александра обернулась к окну и заметила незнакомую

фигуру лихого наездника, который галопом скакал на взмыленном коне по их изрезанной колеями, грязной дороге. Конь под седлом был одним из самых великолепных экземпляров, которые Александре только доводилось видеть, и она даже вообразить не могла, кем мог быть его хозяин. Александра обернулась к сестрам:

– Сквайр – щедрый, добрый и великодушный человек.

– Возможно, нам следует простить ему злодеяние, которое заключается в том, что он на двадцать четыре года старше тебя, – заметила Оливия.

– Вы обвиняли его в этом, не я, – мягко напомнила Александра.

Новый визитер постучал в парадную дверь. Надо же, а она подумала было, что всадник заблудился на их разбитой дороге! Все еще потрясенная тем, что сквайр не стал незаслуженно осуждать ее, Александра вышла из комнаты с сестрами и открыла дверь...

На пороге стоял Рандольф де Уоренн, его сапоги были перепачканы грязью, щеки покраснелись от ветра. В руке он держал огромный букет в бумажной обертке. Должно быть, Рандольф приехал к одной из ее сестер? – в смятении спрашивала себя Александра.

– Мисс Болтон. – Он улыбнулся и отвесил вежливый поклон. – Это – для вас.

Восторг, который на мгновение испытала Александра, решив, что де Уоренну приглянулась одна из ее сестер, тут же

улетучился. В полном замешательстве она оглянулась через плечо на закрытую дверь кабинета. Денни не должен был увидеть, что Рандольф де Уоренн привез ей цветы.

Сердце Александры затрепетало. Одна из сестер за ее спиной изумленно выдохнула.

– Здесь открытка, – усмехнулся посланец.

– Ах, где мои хорошие манеры! – отозвалась Александра, чувствуя, как все тело охватывает дрожь. Нет, это было решительно невозможно! Разумеется, Клервуд просто не мог прислать ей цветы. Определенно нет. Она взяла букет в красочной упаковке, жестом пригласив Рандольфа войти.

– Долго до нас добирались?

– Достаточно долго, но мой конь быстр и вынослив, так что мы галопом одолели большую часть пути. – Он улыбнулся Кори и Оливии. – Вся поездка отняла у меня от силы часа полтора.

Александра поймала себя на том, что вся дрожит, она никак не могла прийти в себя от потрясения, никак не могла разгадать, что же значил этот жест? Или все-таки знала, понимала это? Пройдя в гостиную, Александра заставила себя продолжить светскую беседу:

– Кажется, по новой железной дороге, которая связала Кенсетт и Клервуд, можно добраться за сорок семь минут.

– О, я в любом случае поскачу обратно верхом, – рассмеялся Рандольф и взглянул на Кори.

– Открой цветы, – прошептала Оливия.

Александра в волнении сжала букет.

– Бедный Рандольф, кажется, замерз. Давайте предложим ему горячего чая с булочками? О, мой дорогой! – Она обернулась к де Уоренну. – Я никогда не смогу отблагодарить вас за любезное одолжение, которое вы оказали нам прошлым вечером.

Сестры, не двигаясь, внимательно следили за их разговором.

– Что вы, все в порядке, – снова усмехнулся Рандольф. – Я с большим удовольствием проводил вашего отца домой. Откройте цветы. Мне запрещено покидать ваш дом до тех пор, пока вы этого не сделаете.

Что? Гонец не может уехать, пока она не развернет букет? Теперь Александра была вся во власти навязчивого образа Клервуда. Судя по всему, именно он прислал эти цветы. Выходит, герцог не забыл о ней, не образумился.

Все еще безмерно удивленная, Александра с большой неохотой разорвала обертку. Две дюжины огромных бордово-красных роз, каждая из которых была в полном цвету и отличалась исключительной роскошью – определенно, их тщательно подбирали, – показались на свет божий. В самой середине букета был прикреплен маленький конверт кремового цвета.

Она не могла двинуться с места. Чего добивается Клервуд? Почему он сделал это? О боже, сквайр ведь хочет жениться на ней!

– Это самые красивые розы, которые я когда-либо видела! – чуть не задохнулась от восторга Кори.

– Я никогда прежде не видела розы такого цвета, – восхищенно подхватила Оливия.

– Они стоят целое состояние, – похвастался Рандольф.

Александра во все глаза смотрела на потрясающие цветы.

Это был чересчур смелый, чересчур широкий жест. И даже обольстительный, чарующий, хотя она и не была уверена в том, что этот поступок объяснялся романтическими чувствами.

– Прочитай открытку, – напомнила Кори.

Все еще дрожащей рукой Александра передала Оливии цветы, потом взяла конверт, открыла его ногтем и вытянула оттуда маленькую карточку. На ней не значилось ничего, кроме большой, четкой буквы «К».

– И что там написано? – бесхитростно осведомилась Кори.

Показав ей открытку, Александра подняла глаза на Рандольфа. Он с улыбкой ожидал ее ответа. Александру обернулась к Оливии, с трудом обретая дар речи.

– Пожалуйста, поищи вазу. – Но в тот самый момент, когда просьба сорвалась с ее уст, она поняла, что должна вернуть цветы – ей явно не следует их принимать. – Подожди!

Оливия замерла на месте:

– В чем дело?

Чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди, Алек-

сандра решительно посмотрела на Рандольфа:

– Я не могу принять цветы.

Его глаза стали круглыми от изумления.

– Почему нет? – с досадой выкрикнула Кори.

– Александра, нам нужно это обсудить, – поспешила вмешаться Оливия.

Александр убила сильная дрожь, но она забрала у сестры розы и протянула их Рандольфу, глаза которого теперь едва ли не вылезали из орбит. Но он не взял букет.

– Пожалуйста, – произнесла Александра. Она постаралась изобразить на лице улыбку, но ничего не вышло. – Если уж на то пошло, это я должна была послать его светлости цветы или какой-нибудь иной знак моей признательности за то, что он спас нас вчера вечером.

– Но он хотел, чтобы вы приняли этот букет, мисс Болтон, – возразил Рандольф. – В сущности, он ясно и точно дал понять, какие розы поручает мне найти – самые красивые, самые дорогие. Он даже сказал, что одной дюжины будет недостаточно. Вы не можете вернуть цветы – этим вы нанесете ему оскорбление.

– Я не могу их принять. – В ее тоне послышались неуверенные, робкие нотки. Она не хотела оскорбить Клервуда – этого не сделала бы ни одна женщина в здравом рассудке.

– Какого дьявола «нет»? – резко спросил Рандольф.

Александра облизнула пересохшие губы и снова бросила взгляд на дверь кабинета.

– У меня есть поклонник, сэр, который ясно дал понять, что в ближайшее время сделает мне предложение, – вздохнула она. – Таким образом, за мной ухаживают, и с серьезными намерениями.

Александра буквально вложила цветы ему в руки.

– Как только его светлость узнает, что я практически помолвлена, он вряд ли примет мой отказ за оскорбление, – добавила она.

Стоявшая сзади Оливия вдруг схватила ее за руку и резко бросила:

– Я хочу переговорить с тобой с глазу на глаз.

Александра обернулась к сестре, но перед глазами по-прежнему стоял образ Клервуда, и сердце разрывалось на части от тоски. Странно, но одна частичка ее души хотела принять розы, хотя это было бы крайне неуместно, и наслаждаться ими какое-то время.

Клервуд прислал ей цветы – такое просто не укладывалось в голове!

– Пожалуйста, поговорите, я не спешу, – твердо сказал Рандольф, который определенно не был настроен уезжать из этого дома с букетом, несмотря на все ее отказы.

– Я сделаю вам чай, – предложила Кори и помчалась на кухню.

– А мне нужно ненадолго выйти, чтобы охладить коня. Могу я его напоить?

– Конечно, – отозвалась Александра. – Насос у конюшни.

Она подождала, пока Рандольф выйдет из дома, и уныло проследила, как он провел своего великолепного скакуна мимо их облезлого дома. Потом печально вздохнула.

– Эти цветы слишком красивы, чтобы их возвращать, – сказала Оливия.

– Как я могу их принять? – взмолилась Александра.

– А что, если намерения герцога благородны?

Старшая сестра в изумлении посмотрела на среднюю:

– Это невозможно.

– Невозможно? А что, если есть хотя бы малейший шанс на то, что он интересуется тобой в качестве будущей жены? Если вернешь цветы, это будет выглядеть так, словно ты захлопнула перед ним дверь!

Александра помедлила, размышляя над словами Оливии. Нет, Клервуд не интересовался ею всерьез, в этом не было ни малейших сомнений. Она вдруг подумала об Оуэне и крепко обхватила себя руками, не в силах справиться с тоской по нему, их совместных планах и мечтах...

– Просто прими цветы, – продолжала настаивать Оливия. – Нет ничего страшного в том, чтобы принять их, гораздо хуже будет отослать букет обратно.

Соппротивление Александры было сломлено. Она никогда не видела таких красивых роз...

– Кроме того, – улыбнулась Оливия, – я смогу написать их маслом.

Глава 5

В половине второго Стивен оставил своих архитекторов ломать голову над изменениями, которые он набросал на их тщательно проработанных чертежах. В его сознании так и мелькали изображения будущих домов, жизнью в которых уже очень скоро должны были начать наслаждаться текстильные рабочие. Герцог опаздывал: он с головой погрузился в манчестерский проект, хотя к нему вот-вот должна была приехать вдовствующая герцогиня.

Клервуд был отреставрирован его отцом и теперь насчитывал без преувеличения сто комнат. Фасад особняка был выполнен в готическом стиле, его украшали высокие башни и бельведеры. Гильермо наверняка провел мать в золотую комнату, если, конечно, Джулия приехала. Возможно, герцогиня уже ждала его там. Это была самая впечатляющая, самая роскошная гостиная в доме, где Стивен обычно принимал своих наиболее значимых гостей. Он сменил тему размышлений и теперь вспомнил об американце. Сбор информации о Джефферсоне наверняка занял бы много времени, ведь этот человек жил за границей. К тому времени, как Стивен выяснил бы о нем что-нибудь интересное, отношения матери с американцем, возможно, зашли бы уже слишком далеко.

Герцог помрачнел. Джулии было пятьдесят, но она остава-

лась красивой женщиной, приятной в общении и стройной, изящной и элегантной. Великолепная наездница, герцогиня совершала прогулки верхом каждый день, и Стивен был абсолютно уверен в том, что именно эта активность и бьющая через край энергия позволяли ей оставаться столь молодой. Перед глазами Стивена то и дело всплывал нежный взгляд Джулии, обращенный в сторону американца, который он перехватил на балу. Герцог несколько не сомневался в том, что она увлеклась этим Джефферсоном. К сожалению, и американец явно был увлечен, только наверняка не ею, а ее состоянием.

Стивен прошел в просторный холл, являвшийся центром дома, и выглянул из парадной двери. Перед ним предстал огромный фонтан, окруженный дорожкой из светлых ракушек. Вдали виднелся кусок дороги в милю длиной, обрамленный величественными вязами. Стивен не заметил приближающегося всадника, но Рандольф мог вернуться в любой момент. Он улыбнулся своим мыслям.

Прошлой ночью герцог плохо спал. Такое с ним случалось часто: он беспокойно метался по кровати, ворочался, обдумывая планы, нерешенные вопросы и новые идеи. Но вчера вечером ему не давал покоя неожиданно возникший на балу интерес к Александре Болтон. Если эта женщина и думала возбудить любовный аппетит Стивена, отклоняя его первоначальные заигрывания, то она определенно своего доби-
лась.

На пути герцога вдруг возник Гильермо, который держал визитную карточку.

– Ваша светлость, только что приехала леди Уитт.

Стивен тут же помрачнел: он не мог откладывать неизбежное. Пришло время сообщить любовнице, что их связь окончена.

– Где она?

– Леди Уитт в весенней гостиной с вдовствующей герцогиней.

Герцог кивнул и без промедления зашагал в комнату. Его мать стояла перед дверями, которые открывались на располагавшуюся снаружи террасу, ведя приятную светскую беседу с леди Уитт. Обе женщины слышали его приближающиеся шаги и словно по команде повернулись.

Улыбка сбежала с лица матери, и Стивен сразу понял, что она чем-то расстроена. Внезапно он вспомнил, каким счастьем сияло лицо Джулии вчера вечером, когда она прогуливалась по танцевальному залу под руку с Джефферсоном. Они казались изумительной парой – даже Стивен не мог не признать этого.

Потом он перевел взгляд на свою любовницу, которая ослепительно улыбнулась ему. Шарлотта была умна и проныцательна – несомненно, она приехала в надежде укрепить их отношения.

– Добрый день, леди Уитт, мама, – поприветствовал Стивен. Он ответил на улыбку леди Уитт и легонько чмокнул

мать в щеку.

– Надеюсь, я не помешаю, – мягко произнесла Шарлотта.

– Мне нужно поговорить со Стивеном с глазу на глаз, – решительно произнесла Джулия, и ее синие глаза потемнели.

– Я не спешу, – снова улыбнулась Шарлотта. В ее взгляде мелькнул обольстительный огонек.

– Вы позволите нам ненадолго отлучиться? – учтиво спросил Стивен, заранее зная ответ леди Уитт. Когда она кивнула, герцог провел мать в соседнюю комнату, почти все пространство которой занимали рояль и арфа. Перед музыкальными инструментами в два ряда стояли обитые золотистым бархатом стулья.

– Спасибо за то, что приехала после моей короткой записки, – сказал Стивен.

– Даже я, твоя мать, приезжаю по первому вызову, когда получаю его.

Герцог завел непростую беседу, тщательно подбирая слова:

– Я едва ли вызывал тебя к себе, мама. Но прошла уже целая вечность с тех пор, как мы последний раз разговаривали, и мне нужно обсудить с тобой некоторые вопросы. Однако, как я вижу, ты чем-то расстроена.

Она слабо, вымученно улыбнулась:

– Ты выполнял свой долг вчера вечером, как и всегда, Стивен, разговаривая с Джефферсоном в весьма специфичной манере. Мы с тобой знаем, что ты сразу же решил, будто

он тебе не нравится. Так что – да, я расстроена.

Все тело Стивена сковало странным напряжением.

– Я ничего не знаю об этом человеке, кроме того, что он – незнакомец и иностранец. И что лишь усложняет ситуацию, ты выглядела очень счастливой рядом с ним.

– Это усложняет ситуацию? – повторила Джулия. – Я все не могу понять, даже сейчас: это Том научил тебя быть таким холодным и бесстрастным или таков твой собственный характер? Да, я весьма расстроена сегодня – расстроена тобой.

Он нахмурился.

– Что ж, поскольку ты, судя по всему, хочешь говорить предельно откровенно, я тоже буду честен. Да, это мой долг – оберегать тебя от проходимцев и охотников за приданым.

– Конечно, это твой долг, – веско произнесла она. – Том выдрессировал тебя слишком хорошо.

Стивен застыл на месте. Прежде они никогда не ссорились, но, похоже, начинали конфликтовать теперь.

– Ты веришь в необходимость выполнять долг так же сильно, как и я, – наконец, после долгой паузы, тихо сказал он.

Джулия прошла мимо него по комнате, шурша своими шелковыми юбками. Потом повернулась, уперев сжатые в кулаки руки в свои стройные бедра.

– Да, верю. Я потратила всю жизнь, выполняя свой долг по отношению к Клервуду – и к тебе. Причем ты всегда был для меня на первом месте – именно поэтому я предпочла остаться с Томом и терпеть его жестокое обращение. Все, что

я сделала, я сделала для тебя – для того чтобы ты стал следующим и самым могущественным герцогом Клервудским.

Стивену стало неловко. Никто лучше его не знал, как страдала Джулия, будучи женой Тома. Насколько Стивен знал, старый Маубрей действительно обращался с ней крайне жестоко. Он презирал жену и, в конечном счете, даже не старался этого скрывать.

Джулия, в свою очередь, никогда не пыталась защищаться от нападок Тома. Она проявляла похвальное чувство собственного достоинства и с видимым спокойствием сносила оскорбления. Но если дело касалось ее сына, герцогиня превращалась в разъяренную львицу. И тогда ее стычки с Томом бывали просто ужасающими, неистовыми. Стивен нередко убегал прочь, только бы не видеть эти отвратительные, полные ненависти сцены.

Даже ребенком он приходил в отчаяние, видя, как мать самоотверженно заступает за него перед безжалостным супругом. Повзрослев, Стивен молил Джулию отступить, игнорировать Тома всякий раз, когда ему вздумается оскорбить кого-то из них двоих. Она отказывалась. В своей борьбе с мужем мать была так бесстрашна, так решительна! Временами Джулия становилась искусным, тонким дипломатом – иначе и быть не могло, ведь она прекрасно понимала, что стояло на кону: будущее ее сына в качестве следующего герцога.

– Никто лучше меня не знает о жертвах, которые тебе пришлось принести.

– Хорошо. Тогда, возможно, пришло время мне самой о себе позаботиться? – пристально взглянула герцогиня на сына.

Тот насторожился:

– Что это значит? Ты – вдовствующая герцогиня, моя мать, и я обязан заботиться о тебе. Так будет всегда.

– Это значит, что Том умер пятнадцать лет назад, и, несмотря на то что его смерть освободила меня, позволив жить так, как я сама хочу, я всегда боялась подпустить к себе какого-нибудь мужчину слишком близко. Я никогда не желала снова надевать оковы брака, Стивен. И ты отлично знаешь, что именно поэтому я всегда отказывалась повторно выходить замуж.

Герцогу не понравилось, что мать подняла вопрос о браке именно сейчас.

– Продолжай, – сквозь зубы бросил он.

Но Джулия помедлила с ответом и подошла к нему, ее щеки покраснели.

– Есть кое-что о Тайне Джефферсоне, что тебе следует знать... Он добр, но одновременно и смел, силен, тверд как скала! Понимаю, что ему следует быть с более молодой женщиной – мы с ним одного возраста, полагаю, – но, судя по всему, он находит меня интересной и... довольно привлекательной. Стивен, он мне нравится. Он очень мне нравится, но ты стараешься разрушить наши отношения, и теперь я это понимаю!

Его мать подумывала о браке с Джефферсоном? Стивен был ошеломлен. Или это была лишь любовная интрижка уже немолодых людей?..

– Как давно ты с ним знакома? И почему я узнаю об этом романе только сейчас? – Он с трудом сдерживал раздражение. – Это ведь роман?

Ее тело превратилось в натянутую струну.

– Я встретила его совсем недавно – на званом ужине, – а потом мы случайно столкнулись на Пэлл-Мэлл. И прошлый вечер был нашей первой возможностью пообщаться, лучше узнать друг друга. Мы прекрасно провели время, несмотря на твое вздорное, властное поведение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.